

р.с.и

5
P.32 158

КИТАЙСКИЕ РАССКАЗЫ

О Г И З

Государственное издательство
художественной
литературы
Москва
1944

ного языка. Новая литература насущно необходима народу, и чрезвычайно важно то, что она развивается на основе нового литературного языка, доступного широким массам. Передовые китайские литераторы, создавая новую по форме и содержанию литературу, создают одновременно и новый язык, в основе которого лежит живой разговорный язык народа.

Прозаические и особенно поэтические произведения, написанные на разговорном языке и посвящённые обыденным темам народной жизни, при сравнении с классической литературой и её строго каноническими формами многим эстетам, влюблённым в «прекрасную старину», кажутся лишёнными каких бы то ни было художественных достоинств. Действительно, за такой короткий исторический период не могли появиться новые произведения, равные по силе и художественному мастерству образцам многовековой феодальной литературы.

Но если обратиться к истории китайской литературы, то можно без труда увидеть не менее острую литературную борьбу, уходящую в глубь веков. Вопросы языка и стиля всегда остро стояли в китайской литературе и были связаны неразрывно с проблемами идеологическими. Любопытно, что и в старом, феодальном Китае произведения, написанные на живом разговорном языке, не считались художественной литературой и на протяжении многих веков подвергались литературному ostrакизму. Официальная критика признавала их только как «вульгарную», развлекательную литературу, хотя ими зачитывались все грамотные китайцы. Драма и комедия, роман и повесть выбрасывались за борт старой литературой, но именно эти жанры были образцами непризнанной народной литературы старого, феодального Китая. В числе этих произведений оказались такие шедевры, как «Шуйху чжуань» («Речная заводи»), известный героический приключенческий роман писателя Ши Найяня (XIII в.), в котором выведены популярные народные герои, — «Сто восемь братьев-разбойников», ведущих борьбу с лихоимцами, взяточниками и всеми, кто

обижает мирных тружеников; «Хунлоу мын» («Сны в красном тереме») — большой любовный роман писателя Цао Сюэциня, где под вымышленным именем Бао Юй подвергается критике ушедший от несчастной любви в монастырь император; «Жулинь вайши» («Неофициальная история конфуцианского мира») — большая сатирическая повесть XVIII века, написанная У Цзинцзы, в которой обличаются старые феодальные порядки.

«Древнекитайский язык, — пишет известный китайский профессор Ху Ши, — умер уже две тысячи лет тому назад; продолжать писать на этом языке в XX столетии, рабски подражая классическим авторам, — значит, создавать мёртвую литературу, ибо мёртвый язык не может породить живой литературы... Всё, что имеет какую-либо ценность в китайской литературе, было написано на разговорном языке или, во всяком случае, на языке, приближающемся к нему...»

Традиции этой старой народной литературы, которая преследовалась в феодальном Китае, созвучны и близки современным китайским писателям, создающим новую литературу. Не случайно основоположник новой китайской литературы Лу Синь (1881—1936) многие годы занимался изучением этой «непризнанной» народной литературы и составил новый курс истории китайской литературы, в который включил произведения, написанные на разговорном языке. Лу Синь был крупнейшим историком китайской новеллы. Эти произведения до него никогда не включались ни в один курс китайской литературы и не изучались как образцы её.

Литературная борьба в старом Китае имеет прямое и непосредственное отношение к проблеме литературного наследия. У современных китайских писателей есть все основания не только изучать, но и продолжать традиции старых китайских писателей, произведения которых в своё время не признавались представителями дворцовой, феодальной литературы.

Кроме того, в Китае существует богатейший, почти совершенно неизученный фольклор, легенды и мифы одного из самых древних народов мира. Крупнейшие писатели современного Китая всё чаще и чаще обращаются к этой сокровищнице народного искусства, обогащая их творчество.

Многовековое литературное наследство составляет неисчерпаемый источник новой китайской литературы. Самая сильная сторона современной китайской литературы — её неразрывная связь с жизнью народа и его борьбой за национальное освобождение.

* * *

Первым этапом в создании современной китайской литературы было движение за реформу литературного языка, известное под именем «литературной революции». В 1917 году группа передовых литераторов и профессоров Пекинского университета во главе с профессором Ху Ши выступила за отказ от мёртвого книжного языка («вэньянь») и за переход на живой, разговорный язык («байхуа»). Реформаторы выдвинули лозунг: прекратить рабское подражание древним образцам («бабучжу»), — «мёртвый иероглиф не может породить живую литературу». Центром движения за новый литературный язык и за новую литературу стал студенческий журнал «Новая молодёжь», в котором в 1918 году начал печататься тогда никому ещё не известный писатель Лу Синь. Все художественные произведения Лу Синя того периода были затем собраны в сборник «Нахань» («Ключ»). Написанные на живом разговорном языке, они по своему содержанию были направлены против отжившего феодализма и разоблачали его тёмные силы.

Появление современной китайской литературы тесно связано с национально-освободительным движением 20-х годов. В это время консервативным сторонникам старой литературы и мёртвого книжного языка был нанесен сокрушительный удар: министерство просвещения пекинского правительства вынуждено было издать декрет о препода-

вании живого языка в школах; с этого момента газеты и книги стали печататься на языке «байхуа».

Развитие новой художественной литературы в первое время протекало под сильным влиянием западноевропейской и американской литературы. Однако увлечение модными европейскими литературными течениями было непродолжительно. Внимание китайских литераторов и писателей вскоре было привлечено появившимися в Китае переводами русских писателей. С этого времени в Китае с каждым годом возрастает интерес к русской литературе.

«На искусство китайского рассказа, — пишет крупнейший современный писатель Го Можо в статье «Общение двух литератур», — бесспорно главенствующее влияние оказала русская литература. Все лучшие произведения русских писателей были переведены на китайский язык. Имена Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова так же близки китайскому писателю, а иногда и более близки, чем имена Ши Найяня, Ло Гуаньчжуна, Цао Сюэциня и Пу Сунлина¹. Влияние Горького на современную китайскую литературу — это больше, чем чисто литературное влияние. Китайские писатели преклоняются перед Горьким, любят его, следуют ему. Его жизнь воспевается как пример чистоты и совершенства, его художественные произведения читают как библию; особенно известны его литературно-публицистические статьи. Влияние Горького в Китае огромно. Писатели учатся у Горького и жизни, и творчеству. Мы от Горького узнаём не только, как нужно писать или о чём писать, но и учимся жить и бороться. Во всей длительной истории китайской литературы не найти никого, кто бы мог соперничать с Горьким в духовном влиянии на китайского писателя»².

Важным этапом в развитии новой литературы является

¹ О писателях Ши Найянь, Цао Сюэцинь мы говорили выше. Ло Гуаньчжу — писатель XIII века, автор военного романа «Саньго чжэ»; Пу Сунлин (Ляо Чжай) — писатель XVII века, автор «Странных историй» (три книги — «Монахи-волшебники», «Лисьи чары» и «Рассказы о людях необычайных» переведены на русский язык академиком В. М. Алексеевым).

² Журнал «Чжупсу вэньхуа», июнь 1940 года, Чунцин.

возникновение в конце 1919 и в начале 1920 годов двух влиятельных литературных групп: «Творчество» в Шанхае и «Общество изучения литературы» в Пекине.

Группа «Творчество» объединяла молодых писателей романтического направления, находившихся под сильным влиянием западноевропейского декадентства. В неё входили: Го Можо, Ю Дафу, Тянь Хань, Чэн Фану и другие. Они боролись против старой феодальной литературы, за «новую эстетику», за «абсолютную красоту в искусстве» и т. д. Впоследствии некоторые писатели из этой группы, например Ю Дафу, Чжан Цзыпин, перешли в лагерь реакции; такие писатели, как Го Можо, Тянь Хань, Чэн Фану, Чжэн Боци, активно участвовали в революции 1925—1927 годов и в настоящее время являются строителями литературы освободительной войны.

Вторая группа, «Общество изучения литературы», объединяла писателей реалистического направления, возглавляемых Лу Синем и Мао Дунем. В своём творчестве они находились под влиянием великих реалистов русской и французской литературы.

В 1930 году в Шанхае была создана Лига революционных писателей во главе с Лу Синем и Мао Дунем. В неё входили многие современные писатели и литературные критики, среди них: Фын Найчао, Дин Лин, Чэн Фану, Чжан Тяньи, Ся Янь, Пань Цзынянь. Лига выступала против реакции, а после вторжения Японии в Манчжурию — за объединение Китая для борьбы с агрессией. Против писателей, объединённых в Лиге, сразу же начались гонения, многие из них были арестованы. В 1935 году Лига распалась.

После этого передовые писатели, во главе с Лу Синем, выступили с призывом защищать демократические права народа и с требованием создания единого национального фронта. Вокруг Лу Синя начинают группироваться молодые писатели, выходцы из Манчжурии (Тянь Цзюнь, Сяо Хун, Шу Цзюнь, Дуаньму Хунлян и др.) и наиболее передовые

литераторы Китая. Они выдвигают вопрос о создании массовой литературы национальной обороны.

Лучшие произведения этого времени «Весенние шелкопряды»¹ Мао Дуня, «Наводнение» Дин Лина, «Древняя в августе»¹ Тянь Цзюня, «Поле жизни и смерти» Сяо Хун, рассказы Чжан Тяньи — были посвящены социальным вопросам и изображали рост национального сознания масс. Все эти произведения появились при жизни и под сильным влиянием Лу Синя. По отзывам китайской критики, они создали «школу нового реализма» в китайской литературе наших дней.

Национальный подъём, охвативший весь Китай в первые дни японо-китайской войны, объединил всех передовых писателей под знаменем национально-освободительной войны. Сразу же после 7 июля 1937 года писатели ушли в армию и отправились на фронт (Дин Лин, Дун Пин, Лю Байюй, Цзян Кэцзя, Сун Юн, Ван Япин, Сун Тянь). За шесть лет войны в рядах армии появились талантливые молодые писатели — Яо Сюэин, Би Е, Чэң Шоумай, Хэй Дин, Е Хун.

Писательские организации и отдельные писатели объединились для общего дела. 27 марта 1938 года в Ханькоу состоялся первый съезд писателей, на котором была создана Всекитайская ассоциация писателей. Во главе ассоциации сейчас стоят крупнейшие писатели: Лао Шэ, Го Можо, Мао Дунь. В больших городах и в отдельных армейских соединениях создаются её отделения. Ассоциация издаёт несколько литературных журналов, посылает писательские группы на фронт, в партизанские отряды.

Первые годы войны знаменуются бурным расцветом военного очерка и нового для китайской литературы жанра — литературного репортажа («баогао веньсюэ»). Эти произведения, построенные на документальном материале, посвящены описаниям военных событий, отдельных героических подвигов и показывают широкое участие народных масс в войне.

¹ Эти произведения были опубликованы на русском языке.

Для того чтобы расширить круг читателей, многие писатели (среди них видное место занимает «солдатский поэт» маршал Фын Юйсян) обратились к старым формам устной литературы. Они стали писать об освободительной войне тексты для рассказчиков («шоушу»), певцов («дагу») и театра. Больших успехов в этой области добилась фронтовая группа (театр и хор) под руководством писательницы Дин Лин. Таким образом, после длившейся несколько лет дискуссии о том, как писать для масс, писатели с первых же дней войны перешли к плодотворной культурно-просветительной работе в армии и среди народа.

Освободительная война создала великий перелом в современной китайской литературе. Она стала развиваться как народная литература. Впервые за тридцать лет своего существования она стала непосредственной участницей великого дела — национального освобождения своего народа.

Несмотря на то, что крупнейшие издательства погибли во время войны, несмотря на тяжёлые условия издательского дела, на территории свободного Китая за шесть лет войны появилось значительно больше художественных произведений, чем за все предыдущие годы. На территории же оккупированного Китая, под эгидой марионеточного правительства Ван Цзин-вэя, за это время не появилось ни одного литературного произведения, которое могло бы обратить на себя внимание.

Современная китайская литература развивается как часть общего национального возрождения Китая, в тяжёлых боях за национальную независимость и свободу. Ей совершенно чужды паназиятские лозунги создания литературы «нового порядка в сфере процветания Восточной Азии» и реставрации конфуцианской старины, которые так услужливо выдвигаются сейчас кучкой «литературных встетов» из компании Ван Цзин-вэя.

В последние годы китайские писатели стремятся дать всестороннюю и глубокую картину жизни и борьбы своего народа. Очерк и литературный репортаж теперь не удовлетворяют ни писателя, ни читателя. Крупнейший писа-

тель Мао Дунь в середине 1939 года так охарактеризовал задачи нового этапа в развитии современной литературы:

«Большинство писателей стремилось запечатлеть в своих произведениях великие и героические события нашего времени. Писатели изображали храбрость, решимость, сознательность и надежды китайского народа, его готовность к жертвам и уверенность в окончательной победе. Но это был начальный период в развитии оборонной литературы, и многим произведениям этих писателей не хватало глубины мысли и опыта; это была только одна из фаз развития нашей литературы — когда слишком подчёркивали описание событий и пренебрегали образом человека. Недостатки такого «приблизительного» воспроизведения действительности — его поверхностность и неспособность создать характеры людей — объясняются тем, что хотят поставить тележку впереди лошади. В произведениях прежде всего должен выступать человек. Характер героя может быть создан на основе глубокого опыта и острого наблюдения жизни... Перед нами широкая дорога, и если мы будем придерживаться принципа: изображать значительные характеры на фоне правдиво показанной действительности, — мы уверенно пойдём вперёд»¹.

В китайской литературе и сегодня развиваются художественный очерк и литературный репортаж, но в центре внимания писателей стал рассказ («сяошо»).

Следуя традициям Лу Синя и Максима Горького, китайские писатели за последние годы создают реалистическую литературу, отображающую жизнь города и деревни в годы освободительной войны. Наряду с этим всё больше и больше появляется юмористических обличительных рассказов об уродливых явлениях жизни военного времени, о скрытых врагах — пораженцах и капитулянтах, о феодальных пережитках.

В нашем сборнике представлены произведения китайских писателей, характеризующие современный этап развития китайской литературы. Рассказы «Полтелеги Соломы»

¹ Mao Tun, «What shall we write about», Chinese Writers, August, 1939.

1

Яо Сюэина, «В захваченном городе» (по-китайски он называется «Одно желание») Лао Шэ и «Переправа Фынлин» Дуаньму Хунляна посвящены героям борющегося Китая — простым людям, которые перед угрозой национальной гибели своего народа становятся подлинными героями. Недаром вся китайская критика единодушно признаёт рассказ «Полтеги Соломы» молодого писателя Яо Сюэина лучшим произведением литературы освободительной войны. Рассказ известного писателя Мао Дуня «Лавка семьи Линь» показывает, как война ломает жизнь людей во всех слоях общества. Война разоряет торговлю Линя, субъективные интересы которого ограничены судьбой «лавки семьи Линь». Рассказ обрывается на том, что хозяин Линь бежит от разорения, но читатель может предположить, что, наученный горьким опытом, торговец Линь, так же как и неграмотный крестьянин Полтеги Соломы, лодочник Ма Лаохань, студенты Ван Вэньи, Фань Минли, У Цун и матушка Хао, будет участвовать в общей национальной войне.

Сатирический рассказ известного писателя Чжан Тяньи «Господин Хуа Вэй» — самое популярное произведение среди обличительных рассказов, появившихся во время войны. Господин Хуа Вэй стал нарицательным именем карьериста, бюрократа-чиновника, бесполезного болтуна, который не только ничего не делает сам, но и мешает другим. Этот рассказ переведён на многие иностранные языки. Но больше всего о его успехе говорят те ожесточённые нападки со стороны бюрократических элементов, которыми он был встречен три года назад и которые продолжают по сегодня.

Особняком стоит второй рассказ Яо Сюэина, «Легенда о красном фонаре», — эта аллегория призывает китайского читателя сохранять и укреплять национальное единство народа перед лицом угрозы национального закабаления.

— В заключение мы выражаем свою глубокую благодарность Ассоциации китайских писателей за ценные советы и указания, которыми мы пользовались при составлении нашего сборника.

ПОЛТЕЛЕГИ СОЛОМЫ

— Поглядите-ка на него! Да ведь это опять „Полтелеги соломы“!

С недавних пор эта кличка стала обычной в нашем партизанском отряде. Почти каждому из нас дают это прозвище, и никто не обижается. Иной раз попросишь у командира отряда покурить, и если командир не вытащит из-за пояса кисет с табаком, мы говорим ему: „Полтелеги соломы“; или кто-нибудь вдруг громко чихнёт или высморкается и — о подмётку, над ним тоже смеются и обзывают: „Полтелеги соломы“.

„Полтелеги соломы“ — эти слова мы говорим к месту и не к месту, когда вздумается над кем-нибудь пошутить. От этой шутки на сердце становится легче. И если бы у нас её не было, наша жизнь, кажется, стала бы сухой и бесцветной, как горы зимой.

У нас нет человека, который не получал бы эту кличку, но был и настоящий Полтелеги Соломы. Он давно уже покинул наш отряд.

Это был простой крестьянский парень. Он всегда был хорошим товарищем — с первого дня, когда он появился в отряде и до последней ночи,

когда его без сознания унесли на носилках. Мы долго вспоминали о нём и рассказывали друг другу о его приключениях. У командира отряда осталась его маленькая трубка, и он хранит эту драгоценность, как письмо от любимой.

Полтелеги Соломы целыми днями не выпускал изо рта свою маленькую трубку, всё равно был в ней табак или нет. Бывало, уйдёт он на край деревни, сядет под деревом, сдвинет брови и бесцельно смотрит на поля. Лишь изредка затянется и выпустит из ноздрей две струи серого лёгкого дыма. Кто-нибудь из товарищей подойдёт к нему и спросит:

— О чём задумался, Полтелеги Соломы? О жене, что ли?

Его лицо густо покраснело.

— Как бы не так,— отвечал он и тут же спрашивал:— А ты что-нибудь слышал? Разве командир говорил, где моя жена и ребёнок?

Полтелеги Соломы думал, что командир нашего отряда знает всё на свете и не говорит ему, где его жена и ребёнок, только потому, что боится как бы он не убежал к ним.

Но бывало и так, что Полтелеги Соломы не думал о жене и ребёнке; он смотрел на поля и с обидой говорил:

— Посмотри, сколько травы. Ай-я!..— он глубоко затягивался и договаривал, выпуская слова вместе с дымом:— Не будь войны, люди работали бы спокойно и ни за что не позволили бы такой хорошей земле, вместо риса, зарости сорной травой.

Он вытирал глаза, брал щепотку земли, разминал её на ладони, нюхал и даже пробовал на язык; потом, тихонько покачивая опущенной головой, бормотал:

— Из такой жирной земли одной ногой можно выдавить масло...

Полтелеги Соломы не мог выучить ни одной партизанской песни. Однажды он попробовал спеть, но у него это до того чудно получилось, что все ребята хохотали до слёз. После этого он никогда не открывал рта. Бывало, мы поём, а он с неизменной трубкой в зубах улыбается, и только глаза его с тонкими кровяными жилками на белках следят за нами, за нашей песней.

И в минуты радости, и в минуты грусти, и в походе, и на отдыхе он любил напевать простые слова печальной песни, которую выучил ещё мальчишкой:

Когда гуажэнь¹ выходит из города — всем не везёт:
Если не дождь, так ветер...

И теперь, когда я вижу его маленькую трубку, мне вспоминается осенний вечер. Однажды, в холодные сумерки, бойцы отряда с криком выбежали во двор: туда привели пойманного предателя. Руки его были связаны за спиной, в бледном лице не было ни кровинки, ноги его так тряслись, что он еле стоял. За спиной торчал старый серп, за поясом — маленькая трубка, на голове была коричневая войлочная шляпа. Командир держал в руках небольшой японский флаг, который нашли у предателя. Командир был холоден и строг. Бойцы бешено кричали:

— Смотрите, крестьянином нарядился!

— Пристрелить его, убить предателя!

Кто-то толкнул его ногой, предатель пошатнулся и упал на колени перед командиром. Все затихли. Кто-то насмешливо сказал:

¹ Гуажэнь (буквально — „незаметный человек“) — так уничижительно называл себя китайский император.

— Перетрусил, как утка¹.

Командир не двигался с места; скрывая под густыми нависшими бровями строгие глаза, он смотрел на предателя так, как будто видел его насквозь.

— Господин, я хороший человек! Моя фамилия Ван, зовут Яба²... Все это знают.

— Это твоё мальчишеское имя?*

У командира на левой щеке была родинка с длинными волосами, и если эти волоски дрожали, мы знали: командир волнуется. Так было и теперь.

— Да, господин, это отец меня так назвал. Он был неграмотный. Он говорил: если назвать ребёнка плохим именем, можно отогнать злых духов.

— А как твоё взрослое имя?.. Встань и отвечай! Немой покорно встал.

— Взрослого имени у меня нет. Отец говорил: крестьяне не учатся в школах и не ходят к господам в гости, им не нужно взрослое имя.

— А кличка есть?

— Половина... половина... Полтелеги Соломы.

— А?—и волоски на щеке командира запрыгали.—Половина? Чего половина?

— Полтелеги Соломы, господин!

— Почему Полтелеги?

— Все меня так называют.—Немой покраснел.—Это продавец сладостей, рябой Ван, так меня прозвал. Он всегда говорил, что у меня нехватает половины...³

¹ Это выражение соответствует нашему „медвежья болезнь“.

² Яба — немой.

³ „Полтелеги соломы“ имеет смысл, соответствующий нашему выражению: „У него не все дома“.

* Звёздочка указывает на примечания, данные в конце книги.

Все засмеялись, только командир был строг и серьёзен. Он продолжал допрашивать Немого, где он живёт, и почему стал предателем.

— Я из деревни Ванчжуан,— продолжал Немой.— Не из Маленькой Ванчжуан, а из Большой. Пришли к нам северные войска¹, над домашними² издеваются, мужчин бьют, рубят, стреляют. Мать моего Сяогоуцзы³ сказала: „Отец Сяогоуцзы, деревня уже опустела, бежим и мы“. Бежать? Ну, я со своей домашней и убежал. Мать Сяогоуцзы уже два дня и две ночи не брала в рот ни риса, ни воды. Живот подвело к спине. Сяогоуцзы просил сосать. У матери от голода не было молока. Сяогоуцзы не мог ничего высосать и плакал...

Крестьянин опустил голову, слёзы потекли у него по щекам. Наш командир тихо сказал:

— Да говори ты просто... Откуда у тебя флаг с красным солнцем?

— Господин! Мать Сяогоуцзы сказала „Отец Сяогоуцзы, если мы погибнем в этом омуте, это ещё ничего, но как же мы можем стерпеть, чтобы Сяогоуцзы умер с голоду?“ Господин, мальчишка ведь ничего плохого не сделал, почему же ему умирать с голоду? Мать Сяогоуцзы сказала мне: „Вернись в деревню и принеси с грядок редьку“. Это чтобы спасти ребёнка. Рано утром я пошёл в деревню, но и двух ли⁴ не прошёл, как увидел северных солдат в железных шапках. Они стали стрелять, я еле убежал. Вернулся к своим и услышал, как Сяогоуцзы плачет у высохшей груди.

¹ Так Полтелеги Соломы называет японскую армию.

² Так в китайских деревнях называют женщин.

³ Дословно „сяогоуцзы“ значит — „щенок“; так Полтелеги Соломы называет своего сына.

⁴ Ли — китайская мера длины, — около полукилометра.

Тут он сам заплакал.

— Да ты не плачь!— тихо приказал командир.— Ну, ну! Поэтому ты и стал предателем? Да?

— Внук чорта — предатель! Посмотри на синее небо: если я предатель, пусть тогда солнце упадёт — и я упаду...

И Полтелеги Соломы стал рассказывать дальше так горячо и искренно, словно все мы были его друзьями.

— Люди сказали мне: если возьмёшь флаг с красным солнцем, северные солдаты тебя не тронут. Мать Сяогоуцзы сделала маленький флажок и дала мне. Она сказала: „Отец Сяогоуцзы, иди скорее и скорее возвращайся. Я сказал: „А что, если увидят южные войска? ¹ Ничего мне не будет?“ Она сказала: „Чего же бояться? Ты двухсотый дурак! Мы ведь с южными войсками заодно, все мы китайцы“. Господин, ты подумай: я китаец, как же я могу быть предателем? Это мать Сяогоуцзы всё испортила. Она заставила меня взять флаг с красным солнцем!

Он заплакал и боязливо посмотрел на командира.

Командир стал спрашивать его дальше, и постепенно морщины на его лбу расправились. Я только хотел сказать ему: „Хватит, этот чудак — хороший парень“, как он приказал развязать крестьянину руки.

— Больше не называй наших врагов северными войсками,— мягко сказал командир.— Теперешняя война совсем не такая, как прежние. Сейчас с одной стороны наша, китайская армия, а с другой — японская. Ты понял, Полтелеги Соломы?

¹ Так Полтелеги Соломы называет китайскую армию.

— Чего же не понять?— он закивал головой.— Я ведь не то, чтобы у меня чего нехватало...

Тут командир отдал ему японский флаг и сказал:

— Поужинай с нами, а потом иди за своей редькой. Флажок возьми с собой. Если встретишься с твоими северными войсками, покажи им, но смотри, не говори, где мы...

За ужином бойцы наперебой тянули к себе Полтелеги Соломы и едва не разорвали его ватные штаны. Вначале он здорово стеснялся, но потом почувствовал, что кругом все свои, и разошёлся. Он ел быстро и много. Подконец он дочиста облизал чашку, вытер пальцы о носок туфли, рыгнул, ногтем снял с зуба кусок зелёного лука и щелчком ловко отбросил его через голову соседа.

Прошло несколько дней. И вот как-то после обеда я снова увидел во дворе Полтелеги Соломы. Командир объявил, что он вступил к нам в отряд. От радости мы запели партизанскую песню. Полтелеги Соломы скромно стоял в сторонке и добродушно улыбался, не вынимая трубки изо рта.

Вечером, когда легли спать, я спросил его:

— Почему ты пошёл в партизаны?

— А почему мне не пойти? Ведь все вы хорошие люди.

Полтелеги Соломы стал тихо рассказывать мне о своей семье. Он отправил жену и ребёнка подалее от фронта, в поезде для беженцев. Рассказывая, он не сводил глаз с горячей плошки в углу. Казалось, что-то тревожило его. Я притворился спящим и стал потихоньку наблюдать за ним. Он поглядывал то на меня, то на горящую плошку. Я чувствовал, как росло его

беспокойство. Крадучись, он встал и направился к площадке, но быстро повернулся и вышел из комнаты. Слышно было, как он возился во дворе и глухо кашлял. Спустя несколько минут он вернулся в комнату, посмотрел на меня, выбил трубку, положил её под голову и лёг.

„Чудак,— подумал я.— Грубоватый парень, но славный“.

Во время привалов мы спим при огне, если только есть масло. Если масла нет— спим в темноте, вповалку.

После того как Полтелеги Соломы вступил в наш отряд, две ночи у нас прошли с приключениями. В первую ночь неожиданно погас свет, и один парень в темноте отдал другому руку. Во вторую ночь часовой нечаянно выстрелил из винтовки. Весь отряд всполошился. Было темно, и мы чуть не передавили друг друга, беспорядочно толкались, перепутали своё оружие, вещи. Когда суматоха утихла, все были злы, как старые тигры, ругались и допытывались, кто же это мог опять потушить площадку. Командир отряда спрашивал всех, но никто не признавался. Я взглянул на Полтелеги Соломы. Он был до того бледен, что мне стало страшно за него. Командир подошёл к нему. У Полтелеги Соломы задрожали ноги, казалось, он вот-вот упадёт. Но командир отряда вдруг улыбнулся и дружески спросил:

— Что, трудно тебе у нас?

— Ничего, командир.— Полтелеги Соломы вытащил из-за пояса кисет и протянул командиру.— Закуривайте!

Все засмеялись. Некоторые хохотали так, что схватились за животы и присели на корточки. Командир тоже смеялся. Полтелеги Соломы не понимал, почему мы смеёмся и серьёзно смотрел на нас.

Утром я отвёл его в сторонку и спросил, зачем он каждую ночь тушит плошку. Он покраснел и пробормотал, глотая слова:

— Масло очень дорогое. У нас не спят при свете. Закуривайте...

Понемногу он привыкал к партизанской жизни, становился смелее и даже иногда решался поучать товарищей.

Он знал кое-какие бандитские словечки. Дорогу он называл „полоской“, реку — „поясом“, курицу — „острым ртом“, а луну — „печкой“.

— Есть слова, которые накликают беду, — объяснял он нам. — Дурных слов лучше не говорить. Прежде это было ещё ничего, а сейчас кругом пули летают...

Ребята иногда отвечали ему на бандитском языке, но чаще старались растолковать, что у нас в партизанском отряде не верят в дурные приметы, что мы не бандиты и нам незачем говорить на их языке. Полтелеги Соломы, видимо, не соглашался с нами, но и не настаивал. С хитрецей он оправдывался:

— Я деревенский... не понимаю я новых правил...

Как-то раз я сказал ему, что пора называть нас товарищами.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Нет, второй брат!.. Когда мы, шаньдунцы¹, называем человека „второй брат“, — так это самое почтенное имя.

— Но мы, партизаны, должны называть друг друга товарищами.

— Опять новое правило, — возразил он. — Я этого не понимаю...

— Ты подумай, мы вместе живём и вместе умираем...

¹ Ш а н ь д у н ц ы — уроженец провинции Шаньдун.

раем, вместе терпим лишения. С одним сердцем, с одной мыслью идём воевать. Уж если мы не товарищи, так что же это такое?

— Правильно, второй брат,—весело ответил он.— Самое главное, быть вместе.

Вечером, когда отряд выступил в поход, Полтелеги Соломы тихонько ударил меня по плечу:

— Идём шарить чертей, товарищ?

Я кивнул головой.

— А ты боишься?

— Нет... я ведь здесь бил бандитов.

Мы шли плечо к плечу, и мне казалось, что я слышу, как сильно бьётся его сердце.

— Эй! Ты врёшь,—сказал я ему.— Вон как у тебя сердце колотится.

Он растерялся, повертел в руках свою трубку и сказал:

— Ни чуточки не боюсь. Кто боится смерти, тот не храбрый. Сначала, правда, сердце стучит и ноги дрожат, а потом пойдёшь, пойдёшь, и всё проходит. Второй брат! Деревенские боятся только чиновников...

До деревни, занятой врагом, было всего три-четыре ли.

Отряд остановился за оградой большой могилы. Командир сказал нам:

— Двое пойдут в разведку. Половина отряда двинется за ними, остальные залягут в засаде позади деревни.

Неожиданно для всех Полтелеги Соломы подошёл к командиру. Боясь, чтобы кто-нибудь его не перебил, он торопливо сказал:

— Командир, я знаю эту полоску. Разрешите мне первому пойти в деревню.

На минуту все мы растерялись. Командир поднял брови; чёрные волоски на его левой щеке зашевелились, и он недоверчиво спросил:

— Ты хочешь быть разведчиком?

— Да. Раньше крестьяне часто посылали меня по ночам разыскивать бандитов.

— Не годится он в разведку! Всё испортит!—
раздались голоса.

Командир, не обращая внимания на наши протесты, решительно сказал:

— Хорошо. Но будь осторожен.— Он обернулся ко мне и приказал:— Ты пойдёшь вместе с ним. Десять тысяч раз будьте осторожны.

Мы, как обезьяны, перепрыгнули через ограду. Полтелеги Соломы шёл первым, я за ним. Недовольные голоса остались позади. Командир успокаивал:

— Ничего, он неуклюжий, но осторожный.

Мы подошли на полёт стрелы к деревне, захваченной врагом, легли на землю и стали настороженно всматриваться в темноту. Оттуда не доносилось ни звука. Полтелеги Соломы прошептал:

— Спят. Подожди меня.

Он снял туфли, засунул их за пояс и, пригнувшись, пошёл к деревне. Чувствуя тревогу за него, я прополз ещё шагов десять и лёг под ивами. Взял курок и стал прислушиваться к малейшему шороху. Прошло минут двадцать. Полтелеги Соломы не показывался. Мне стало не по себе, и я пополз вперёд. Около конюшни я заметил чёрную тень. Послышался шорох, как будто что-то тащили по земле. Моё сердце застучало, как копыта скачущей лошади. Я прицелился в чёрную тень и окликнул:

— Кто?

— Это я, товарищ,— ответил знакомый голос,— мы пришли зря, никого нет, все убежали.

— Ты всю деревню осмотрел?

— Дом за домом. Даже человеческого волоса не найти.

— Почему же ты не кашлянул?

— Я... я...—Полтелеги Соломы заискивающе толкнул меня плечом и, глотая слова, сказал:

— Дома у меня нет верёвки. Разве что-нибудь случится, если я возьму здесь одну верёвку? Раньше, когда я дрался с бандитами, мы всегда что нужно брали в деревнях. — Он поднёс конец верёвки к моим глазам и радостно засмеялся.

— Брось!—приказал я.—Если командир увидит, он тебя расстреляет.

Полтелеги Соломы помолчал, потом неохотно стал разматывать с себя верёвку. Я три раза громко кашлянул. Вокруг деревни в темноте засветились фонарики. Отряд вошёл в деревню.

— Второй брат!—испуганно зашептал Полтелеги Соломы.—Смотри, я бросаю верёвку!

На обратном пути он ни на шаг не отставал от меня. Он был молчалив и робок, как ребёнок, разбивший чашку. Он явно волновался. Я пообещал ему, что ничего не скажу командиру. Он облегчённо вздохнул и сунул мне в руку свою трубку. Я закурил и спросил:

— А ты знаешь, почему мы ничего не должны брать у жителей?

— Мы партизанский отряд,—быстро ответил он и замолчал. Потом возбуждённо спросил:

— Товарищ, выходит, что, когда воюешь в партизанском отряде, нет никакой выгоды!

— Мы воюем за народ. Отобьём наши горы и реки, и все будем счастливы. Освободим нашу землю, тогда миллионы людей будут жить спокойно. И мы с тобой заживём хорошо.

— Конечно, если все будут жить хорошо, то и мы тоже...

— И наши дети, и наши внуки, и наши правнуки будут ходить не сгибаясь.

— Как, разве все станут буддами? ¹

С тех пор Полтелеги Соломы работал за троих и уже не так часто говорил о жене и ребёнке. Я даже стал учить его писать — по одному иероглифу в день. К сожалению, он успел выучить только полсотни иероглифов.

В одну тёмную ночь мы — двадцать партизан — пошли подрывать железную дорогу. Нужно было разобрать путь и спустить под откос воинский поезд. Мы работали осторожно, но всё же не убереглись, и от чьего-то неловкого движения рельсы зазвенели. Этот звук далеко разнёсся в ночной тишине, и в ответ сразу же раздались выстрелы. Пули засвистели над нашими головами.

Командир звена приказал: „Ложись!“. Застучал пулемёт. Пули то ложились позади нас, то очерчивали полукруг перед нами. Пулемётный обстрел длился минут десять и вдруг затих. Рельсы задрожали, приближался японский бронепоезд.

Наш командир — бывший железнодорожный рабочий — быстро связал несколько гранат, подложил их под рельсы и приказал: „Разбегайтесь!“ Мы вихрем помчались от полотна, укрылись за могильной оградой и залегли в траве. Полтелеги Соломы, как ни в чём не бывало, вытащил трубку и только хотел сунуть её в рот, как командир звена хлопнул его прикладом по задку. Он покорно засунул трубку за кушак и недовольным тоном пробормотал:

¹ Полтелеги Соломы, как и все китайские крестьяне, считает, что только будды могут ходить, не сгибая спины.

— Пуля знает, куда летит. Чего бояться! Если уж суждено быть убитым — не спрячешься.

Мы напряжённо прислушивались к гулу приближающегося бронепоезда. Как удар грома, грянул взрыв гранат. В туче пыли, дыма и осколков вражеский бронепоезд взлетел на воздух и свалился под откос, в кусты.

— Хао!¹ — вырвалось у всех. Теперь долина вздрогнула от нашего крика. Даже приказ командира не мог нас успокоить. И вдруг мы услышали знакомый грустный голос:

Когда гуажэнь выходит из города...

Мы выскочили из-за ограды и побежали к железной дороге. В эту минуту снова затрепал пулемёт. Полтелеги Соломы, бежавший впереди меня, крикнул: „Бухао“² и упал. Мы не обратили на него внимания и побежали дальше. Только у самого полотна мы расслышали приближающийся топот кавалерии. Мы отступили...

Пробегая назад мимо Полтелеги Соломы, я увидел, что он ещё стреляет из последних сил в ту сторону, откуда всё яснее и яснее доносился стук копыт.

Я спросил:

— Окрасился?³ Бежать можешь?

— В ногу, — ответил он. — Останусь здесь.

Хотя он и отбивался, я вскинул его на спину и побежал. Спотыкался, падал в ямы... Выстрелы, стук копыт, тяжёлая ноша... Но я бежал...

¹ Хао — хорошо.

² Бухао — плохо.

³ В разговоре между собой китайские солдаты не говорят: „ранен“, вместо этого у них существует специальное выражение: „гуа-цай“, — дословно это значит: „окраситься“.

Только когда мы вернулись в отряд, я заметил, что Полтелеги Соломы ранен второй раз — в спину. Он потерял сознание. Решено было отнести его в тыловой госпиталь.

Когда мы осторожно положили Полтелеги на носилки, он в сильном жару не переставал бредить:

— Жёлтая корова! Та! та! та! Жёлтая корова...
та!¹

¹ Так кричат китайские крестьяне на буйволов во время тяжёлой пахоты.

В ЗАХВАЧЕННОМ ГОРОДЕ

Никто из них не думал прослыть героем. Их знания и стремления уже переросли увлечение героическими историями, подобными единоборству У Суна с тигром¹. Они равнодушно вспоминали о былых увлечениях и отрицали свои юношеские переживания, — совсем как в детстве не признаёшься матери, что стащил у неё монетку.

Никто из них не думал стать предателем. Их знания и стремления не позволяли им и в мыслях склонить голову перед врагом.

Они остались в захваченном городе и не знали, как быть. Между судьбой героя и судьбой предателя осталась лишь узкая щель. Тому, кто заползёт в неё, может быть, и удастся спасти собственную жизнь ценой духовной смерти: ты, как и прежде, будешь есть и пить, а в самые

¹ Единоборство У Суна с тигром — известный эпизод из героического романа „Шуйху чжуань“, написанного в XIII веке писателем Ши Найанем. Один из семи героев повести по имени У Сун, „выпивши бошку вина, безоружный, кулаками избил до смерти тигра, который нападал на мирных жителей“.

тяжёлые минуты напѣешься допьяна, закутаешься с головой и крепко уснёшь.

Выбрать путь борьбы? Они втроем поднимут один лишь камень, и, если им посчастливится убить одного врага, какая от этого польза? Разве трое справятся с потоком танков и пушек?

Они просто не знали, как быть.

Самый сильный из них — Ван Вэньи. Ещё год и он кончил бы университет. Огонь неприятельской артиллерии разбил все его мечты. Сегодня, чтобы получить диплом и учёное звание, он должен признать себя рабом. И только когда он совсем забудет своих предков и свой народ, учёному рабу позволят поехать учиться в Токио.

Он кулаком разбил в куски зеркало, висевшее на стене. До освобождения родной земли не видеть ему своих блестящих глаз, широкого лба, прямого носа. Чтобы забыть свою родину и свой народ, надо раньше забыть самого себя. Подчинившийся насилью перестаёт быть человеком.

Он привёл к себе Фань Минли и У Цуна; оба они его однокурсники, но с разных факультетов. Толстогубому Фань Минли далеко до Ван Вэньи, но всё же он не слаб; медлительный, честный и откровенный, он чем-то напоминает учителя.

У Цун — худой, с жёлтым лицом и узкой туберкулёзной грудью, но его живые глаза и громкий голос отгоняют мысль о болезни. Дух его крепче тела.

Где выход? Ван Вэньи не надеялся получить ответ от друзей. Друзья ждали ответа от него. Фань Минли прикрыл веки и слегка поджал углы рта, показывая этим, что разговор должен начать кто-нибудь другой.

— Бежать? — необычайно тихо спросил У Цун, его рот был точно скован позором.

— Бежать?— задумчиво переспросил Ван Вэньи и покачал головой.— Нет, бежать нельзя. И куда? Зачем? Разве это не наша земля?

У Цун слегка повысил голос:

— И я так думаю. Нам не к чему бежать, жаль только здесь погибнуть без пользы.

— Верно. У нас есть знания...— кивнул головой Ван Вэньи. И он поднялся, точно оратор, готовящийся произнести взволнованную речь.

— Между рабом-студентом и рабом-рикшей нет разницы. И знания здесь ни при чём. Жизнь и кровь тех, кто не хочет стать рабом, равны. Пролитая за родину кровь у всех одинаково горяча. Если в борьбе за народ мы отступимся от общего дела, наши знания будут служить только личной корысти. В такое время спасти себя — позор. Тот, кто цепляется за жизнь, говорит, что умереть — самое лёгкое дело. Но тот, кто жертвует собой, знает цену жизни. Я не убегу, я хочу умереть здесь...

Толстые губы Фань Минли приоткрылись:

— Я понял тебя: умереть не для того, чтобы поскорей покончить с жизнью, а для того, чтобы сохранить бессмертие народа.

— Я ещё раз повторяю,— широкий лоб Ван Вэньи покраснел,— умереть не ради славы, а чтобы честно выполнить свой долг перед народом. Тот, кто гонится за славой,— движем тщеславием. Выполнить свой долг — это значит умереть вместе с соотечественниками, лечь в братскую могилу, в могилу без надгробной доски.

У Цун расправил свою узкую грудь:

— Хорошо, рассказывай, что придумал. Я пойду с вами на смерть.

— Поклянёмся!

Все встали.

— Мы трое — У Цун, Фань Минли, Ван Вэньи —

готовы умереть за родину. Мы отказываемся от самих себя, от своих имён, чтобы добиться вечной свободы и независимости нашего народа, чтобы наш дух и справедливость жили вечно среди людей.

—...вечно среди людей!—в один голос повторили Фань и У. Величие смерти и красота жертвы открылись им.

И они спокойно стали обсуждать практическую сторону дела. Самое трудное было пережить, решение принято. Они услышали таинственный призыв и отвечали на него не спеша, спокойной и мерной речью.

Зимой и летом у входа в переулок Ив сидит старуха. Она всегда такая опрятная и чистенькая, точно у пыли нехватает смелости прикоснуться к ней и бедность не может одолеть её. Она чинит беднякам носки и туфли. Дрожащие руки мешают ей братья за другую работу, хотя зрение её ещё не ослабело и память крепка. Она помнит всех школьников и рикш. Она помнит, кто сегодня прошёл на юг, и кто сегодня совсем не проходил, но прошёл вчера на север, когда солнце клонилось к западу.

Ещё недавно она встречала каждого проходящего приветливым и добрым взглядом старых запавших глаз. И все—старые и молодые—кланялись ей и называли её матушкой. Говорили, что настоящая её фамилия—Хао.

После падения города матушка долго не показывалась в переулке Ив. Никто не обращал на это внимания. Ни у кого нехватало мужества выйти на улицу, а кто набирался смелости, пробегал так быстро, что не замечал отсутствия матушки. Наконец в одно ясное утро старуха снова появилась на своём месте. Но она больше

никому не улыбалась, её приветливый и добрый взгляд угас. Вокруг как будто всё было по-старому. Знакомые люди занимались своим делом: рикши тащили коляски, зеленщики продавали овощи. Она не смела окликнуть их. Девочки и мальчики больше не бежали с весёлыми песнями в школу. Несмотря на яркое солнце, всё казалось старухе тоскливым и печальным.

За шестьдесят с лишним лет матушка видела много событий в своём городе, но никогда раньше не испытывала она такого гнева. Она видела, как проходили по улицам танки, как над городом пролетали самолёты, как грузовики увозили на земляные работы, под пули, связанных юношей и девушек, как сажали под стражу, непонятно за что, здоровых мужчин...

Она была совершенно неграмотна, и все её знания ограничивались простым житейским обиходом: еда, одежда, жильё и самое значительное событие в жизни — свадьба. Она не понимала тонкостей государственных дел, но теперь она научилась ненавидеть. Слово „Жибэнь“¹, прежде ей незнакомое, теперь было у всех на устах. Она постоянно слышала его, и оно вызывало в её сердце тревогу, точно какая-то неведомая беда. Это чужое, принесшее столько горя слово рождало в доброй душе матушки неизвестное ей ранее чувство — гнев. Её тревожили новые мысли, она начинала понимать, что человеку надо не только есть три раза в день. Теперь кругом были японцы, они летали по всему небу и бегали по всей земле. Все её предки, наверно, не видели столько пожаров, смертей и несчастий, сколько увидели её старые глаза.

¹ Жибэнь — по-китайски Япония.

Её особенно раздражал часовой, который шагал назад и вперёд по соседней улице. Холодным лучом блестел длинный штык, всегда примкнутый к его винтовке. Солдат тяжело ступал большими кожаными сапогами, словно боялся, как бы земля не ушла у него из-под ног. Старуха не смотрела на него. Но его блестящий штык и тяжёлые шаги давили ей грудь. Она не понимала, зачем он здесь ходит и почему никто его не прогонит. Часового не только никто не гнал — все прохожие старались обойти его стороной. А спустя несколько дней все вдруг стали вочтительно кланяться ему. Старуха не подозревала, что был издан приказ, по которому все прохожие должны были снимать шляпы перед часовыми.

„Чего это смотрят наши парни? Видно, у них нет сердца“, — сердито думала она, штопая носок. — Вот если бы у нее был сын, он прогнал бы этого солдата.

Ей больше не хотелось сидеть у входа в переулок Ив, но она не могла уйти: она ждала того, кто прогонит солдата. Он представлялся ей не героем с чёрной бородой и красным лицом¹, а простым человеком, одним из тех, кто всегда ходит по этой улице.

Матушка терпеливо ждала, но герой не приходил. Она не падала духом и тихонько спрашивала у своих заказчиков:

— Как наши дела?

Кто умел читать, рассказывал ей о том, что писали в газетах: потерян соседний город, сдан ещё какой-то город. Эти новости мало интересовали её. В этих городах она никогда не была и даже ничего о них не слыхала. Только теперь

¹ Образ благородного героя в старом классическом театре Китая.

начала она понимать, как велика Китайская земля.

— Почему мы не бьём их? Пусть бы для начала хоть одного!— её игла, тянувшая нитку, указывала туда, на главную улицу.

— Матушка, будь осторожней,— пугливо предостерегали её.

— Солдат не понимает по-нашему, он—чорт,— спокойно отвечала она, и игла быстрее мелькала в её старых пальцах.

Пришли добрые вести. Рикша Ван Эр принёс чинить пару подобранных в мусорной яме носков и, присев на корточки, тихонько сказал:

— Матушка, сегодня утром я всё коляску к восточным воротам, но у Башни четырёх направлений я не мог проехать. Солдаты заняли всю улицу и никого не пропускали. Говорят, два наших парня подожгли их машину с бомбами да ещё убили пять или шесть солдат.— Ван Эр поднял большой палец правой руки в знак удовольствия.— Никого не поймали,— добавил он ещё тише.— После обеда я опять был там, но туда ещё никого не пропускали. Говорят, те два парня вбежали в мясную лавку и исчезли. Матушка, подумай, какие смелые люди в лавке, они пропустили их.

Глаза давно уже не улыбавшейся старухи засветились радостью.

— Раз они осмелились на такое дело, я тоже хочу помочь,— твёрдо сказала она.— Ты что, не веришь?

— Почему же не верю? Если бы мне винтовку,— я и сам бы решился. Но ты, матушка, не торопись. Придёт время, мы их всех уберём. Раз нашёлся один смельчак, найдётся и десяток, и сотня, и тысяча.

— Видишь ли, когда на рыбном рынке в корчагах держат угрей, — туда обязательно пускают парочку пескарей. Угри ленивы, они могут лежать на одном месте, пока не сдохнут. А пескари юркие, и они заставляют угрей шевелиться. Те два парня — как пескари. Они двинулись — и все должны зашевелиться. Я подожду, может быть, завтра придёт кто-нибудь убить солдата. — И её игла опять указала направление.

На другой день старуха пришла раньше обычного. Но до самого полудня ничего не произошло.

— Подожду. Придёт рано или поздно, — успокаивала она себя.

Уже пора было кончать работу, когда к ней подошёл незнакомец с блестящими глазами, широким лбом и прямым носом. Он не был похож на бедняка, но в руках держал пару изношенных носков. Старуха торопливо взялась за иглу, но он остановил её.

— Не торопись, скоро уже стемнеет. Я приду за ними завтра. Домой собралась? Пойдём вместе, я понесу твою корзину.

Когда они вошли в глухой переулочек Ив, человек тихо спросил:

— Нет ли в этом переулочке проходного двора?

Старуха покачала головой и пристально посмотрела на него.

— Я знаю тебя.

Глаза его блеснули.

— Знаешь? Откуда?

— Ты хороший человек. — Она ласково улыбнулась. — Я тебе скажу: в десятом дворе есть задняя калитка, но она заперта...

Человек молчал. Старуха тихонько промолвила:

— Ладно. Мне нужно точно знать, когда ты придёшь. Я уговорю дворника Ли У открыть тебе эту калитку.

— Это зачем?

— Разве я говорю непонятно?— Она засмеялась.— Ты студент?

Он кивнул головой.

— Тогда ты должен понять.— Лицо её вдруг стало очень серьёзно.— Скажи мне, когда ты завтра придёшь, я не выдам тебя.

— Я приду завтра в восемь утра.

— Когда приходит Чжоу Юн, продавец абрикосового чая?

— Да, когда продавец пройдёт, калитка должна быть открыта.

— Хорошо.

— Ты догадываешься, что я хочу сделать?

— У нас с тобой одно желание.

На следующее утро она пришла рано. Ей казалось, что она ждала целый год, пока, наконец, раздался пронзительный голос Чжоу Юна: „Абрикосовый чай!“

Руки у неё задрожали. Она взглянула на главную улицу и увидела блестящий штык... Продавец абрикосового чая подошёл к ней, но она не могла отвести глаз от штыка. Чёрная тень промелькнула в переулке и скрылась за ивой на главной улице. Грянул выстрел, другой. Солдат упал. Раздались свистки. Чёрная тень метнулась обратно в переулок Ив и исчезла. Солдаты бросились вслед.

Матушка, не дыша, сидела на своём углу. Наконец, солдаты прошли обратно. Они никого не поймали. Старуха перевела дыхание, ослабевшей рукой взяла иголку и снова принялась за носок. В сердце её была тревога.

К концу дня, немного раньше обычного часа, она уложила свою корзинку и собралась домой. В эту минуту к ней подошёл вчерашний незнакомец. Старуха протянула ему заштопанные носки.

Он присел на корточки и, рассматривая штопку, тихо спросил:

— Убил или нет?

Она покачала головой:

— Он притворился мёртвым, а потом поднялся.

— Нужны гранаты.— Он вынул из кармана доллар.— Разделите с Ли У.

Она отмахнулась.

— Оставь себе, мне не нужно... Если у тебя найдётся винтовка, дай Ван Эру. Он тоже хочет работать. Как тебя зовут?

— У меня пока нет имени.— Он поднялся, положил деньги и носки в карман и добавил:— И, может быть, никогда не будет! До свидания.

— В другой раз бей вернее.

На другое утро матушка опять сидела на углу переулка Ив. Она ждала...

Трое снова собрались вместе. Они обсуждали, что делать дальше...

ЛАВКА СЕМЬИ ЛИНЬ

I

Из школы мисс Линь вернулась расстроенная. Она швырнула сумку с книгами на стол, бросилась на кровать и, уставившись на верхушку полога, задумалась. Кот Бутон мягко вскочил на кровать и стал ласкаться, тихо мурлыча. Мисс Линь машинально протянула руку и погладила его, но сейчас же отвернулась и зарылась головой в подушки. Потом отбросила подушку и повзвала:

— Мама!

Ответа не было. Комната матери Линь была рядом. Обычно, когда девочка возвращалась из школы, мать приходила к ней своей нетвёрдой, качающейся походкой, с неизменным вопросом: не хочет ли дочка кушать. У матери почти всегда было припрятано для неё что-нибудь вкусное; а если нет — сейчас же посылали нянюшку У купить чашку супа с мясными ушками. Сегодня же дома происходило что-то странное: в соседней комнате отчётливо слышались голоса, кашель матери, — но девочке никто не ответил.

Мисс Линь подняла голову, решив послушать, с кем это мать разговаривает так тихо и осторожно.

— Что ни возьмёшь — всё японский товар...

Мисс Линь вскочила. Из-за этих японских товаров над ней сегодня издевались в школе, потому-то она и вернулась домой в плохом настроении. Оттолкнув Бутона, который с юза стал к ней ласкаться, она сняла с себя не све платье из голубовато-зелёного вельвета на подкладке из верблюжьей шерсти, встряхнула его и громко вздохнула. Говорят, этот чудесный вельвет и сукно из верблюжьей шерсти — японский товар. Она отбросила платье, вытащила из-под кровати модный кожаный чемодан, открыла его и перевернула вверх дном над постелью. Бутон испуганно соскочил на пол, потом повернулся, вспрыгнул на стул и оттуда стал неподвижными глазами следить за своей хозяйкой.

Мисс Линь с минуту перебирала ворох пёстрых платьев, потом застыла в раздумьи.

Неужели ни одного нельзя надевать? Но ведь она не в состоянии с ними расстаться, да и неизвестно ещё, согласится ли отец сделать ей не све. Она любила японские товары и ненавидела японцев. Если бы они не послали свои войска в Манчжурию, можно было бы носить японские материи и никто не стал бы над тобой издеваться.

Послышался кашель, и в комнату своей неуверенной качающейся походкой вошла мать Линь. Увидав разбросанные на кровати наряды и дочь в короткой вязаной рубашке, она взволновалась и сильно закашлялась. Мисс Линь подбежала к ней и сквозь слёзы сказала:

— Мама, это всё японские товары. Что же я надену завтра?

Мать Линь покачала головой, продолжая кашлять. Одной рукой она гладила дочь по плечу, другой растирала себе грудь. Наконец она с трудом прогворила:

— Доченька, что это ты... разделась? Смотри, простудишься... Я вот... в тот год, когда родила тебя... заболела... и теперь всё хуже и хуже...

— Мама, ты мне скажи, что я завтра надеву?.. Лучше уж я останусь дома и никуда не буду выходить. Они смеются надо мной, ругают меня.

Мать подошла к кровати, взяла вельветовое платье на подкладке из верблюжьей шерсти, бросила его на плечи дочери и села вместе с нею на кровать. Будто сврыгнув со стула и начал тереться о ноги мисс Линь; она ногой отбросила кота, упала на кровать и свернулась клубком, спрятав лицо за спиной матери.

Обе молчали. Мать всё кашляла, дочь раздумывала, в чём ей завтра пойти в школу. Ещё одно тревожило её: говорили, что её туалетный несессер, который вызывал такую зависть у подруг, и самоочищающаяся ручка — тоже японские товары, а она любила эти вещишки, пожалуй, больше, чем Будона.

— Доченька, ты не голодна?

— Нет, мама. Ты все беспокоишься — не голодна ли я, а сейчас гораздо важнее придумать, в чём я завтра пойду в школу, — капризно сказала мисс Линь.

В комнату с какой-то бумагой в руках вошёл отец Линь. Увидев задыхающуюся от кашля жену и дочь, лежащую на верохо разбросанного платья, он сразу догадался, в чём дело. Его брови сдвинулись. Он обратился к дочери:

— Асю, что это за ангиапонский союз у вас

в школе? Я только что получил вот это письмо. Пишут, что, если ты завтра опять придёшь в школу в японском платье,—они его сожгут. Безобразия!

Мать Линь тяжело закашлялась.

— Чорт знает, что такое! Кто теперь не носит японских вещей? Почему придираются именно к нашей семье? Скажите, пожалуйста, в каком это магазине не лежат кучей японские товары? И почему считается, что только моя лавка нарушает закон? Её, видите ли, надо опечатать.— Отец Линь гневно сплюнул и опустился на стул возле кровати.

— Спаси нас от бед и несчастий, богиня Гуаньинь *...—сквозь слёзы молилась мать Линь.

— Папа, у меня есть старомодная ватная кофта, по виду она не японская, но если её надеть, надо мной всё равно будут смеяться,—сказала мисс Линь, вставая. Она собиралась попросить отца, чтобы ей сшили новое платье, но, заметив, что отец изменился в лице, не посмела и только тихо заплакала.

— Не надо плакать... никто над тобой смеяться не будет, доченька...—вымолвила мать Линь.

— Асю, ты завтра не пойдёшь в школу. Скоро нам всем нечего будет есть, где уж тут учиться!—раздражённо сказал отец, изорвал в клочья письмо и вышел из комнаты, шаркая ногами. Но скоро он вернулся и, глядя в глаза жены, сказал:

— Дай-ка мне ключ от сундука.

Лицо матери Линь стало серым, она уставилась на мужа. Кашель, не оставлявший её ни на минуту, теперь вдруг затих.

— Ничего не поделаешь, придется задабри-

вать этих бездельников.— Отец Линь задохнулся, но сейчас же продолжал:

— Самое большее, дам им четыреста долларсв. Если чиновники скажут — мало, — совсем брошу торговлю и пусть тогда меня опечатают. Вон в лавке „Юйчансян“ японских товаров больше, чем у меня, потянет, наверно, тысяч на десять долларсв, — а там откупились всего пятьюстами, и на этом всё успокоилось. Четыреста долларов! Ну, что же, буду считать, что нарвался на несколько безнадежных счетов. Дай ключ. Я возьму золотой обруч на шею *, за него дадут долларов триста.

— Настоящие разбойники, — горько вздохнула мать Линь и вынула из кармана ключ. Руки у неё тряслись, по лицу текли слёзы. Мисс Линь, наоборот, перестала плакать и задумалась. На её глазах ещё не высохли слёзы, и она, как сквозь туман, увидела перед собой члена какого-то комитета, который недавно гозорил речь у них в школе. Он тогда смотрел на неё жадными глазами. Ей представилась, как этот человек с лицом, изрытым чёрными оспинами, хохочет, держа в руках золотой обруч семьи Линь. А потом ей почудилось, что этот рябой кричит на отца и бьёт его. Мисс Линь вскрикнула и бросилась на шею матери.

— Доченька... плакать не надо. После Нового года у папы будут деньги, и он сделает тебе новое платье... Бездельники с злым сердцем думают, что у нас есть деньги... а твой отец прогорел ещё на торговле хлопком... Теперь он ведёт дело на чужие деньги. Доченька... мне эта болезнь за грехи... через два года тебе будет семнадцать, подыщем хорошего зятка... тогда я смогу умереть спокойно... Спаси нас от бед и несчастий, богиня Гуаньинь...

На следующий день лавка семьи Линя преобразилась. Японские товары, которые вот уже почти неделю как были убраны с полок, снова появились на самом видном месте. Как в больших магазинах Шанхая, на стёклах витрины красовались полоски красной и зелёной бумаги с иероглифами: „Большая распродажа. На все товары скидка 10%“.

Было двадцать третье число последней луны* по старому стилю — самый горячий месяц для сельских лавок. Линь надеялся за время распродажи покрыть непредвиденный расход в четырёста долларов.

Только после десяти часов на главной улице стали появляться крестьяне, распродавшие на базаре рыбу и свёщи. В руках у них были пустые корзины; они шли медленно и громко разгваривали. Перед разукрашенной лавкой семьи Линь они останавливались и толпились у витрины. Жёны звали мужей, дети — родителей; они жадно разглядывали выставленные товары. Приближался Новый год. Дети выбирали, что им хотелось бы получить в подарок. Женщины вспоминали, что в доме умывальная чашка давно разбита, что полотенце, которым утирается вся семья, — просто старая тряпка, и не плохо было бы купить ещё кое-какие мелочи.

Отец Линь был в приподнятом настроении. Из-за прилавка он смотрел на односельчан и незаметно следил за приказчиками. Он был уверен, что выручка предстоит неплохая. Однако крестьяне, поглазев на витрину и одобрительно покивав головой, лениво переходили через улицу к лавке „Юйчансян“. Там они снова начинали глазеть. Вытянув шею, Линь смотрел вслед уxo-

дившим. С каким удовольствием он за ворот притащил бы их обратно в свою лавку.

Мать Линь молча сидела под резной аркой, отделявшей лавку от квартиры. Мисс Линь, прижавшись к матери, с бьющимся сердцем смотрела на улицу. Надежды на новое платье уменьшились по крайней мере наполовину.

Отец Линь подошёл к дверям и устремил завистливый взгляд на лавку „Юйчансян“. Там несколько приказчиков выстроились перед прилавком в ожидании покупателей, но никто из крестьян не подошёл к ним: они посмотрели на товары издали и пошли своей дорогой. У Линя отлегло от сердца и, глядя на приказчиков ненавистной ему лавки, он не мог удержаться от усмешки. В эту минуту группа односельчан появилась в дверях его лавки. Молодой парень, склонив голову набок, стал рассматривать развешенные на стене зонты. Линь поспешно обернулся к нему; с приветливой улыбкой он сам занялся покупателем:

— Что, братец, зонтик покупаешь? Дешёвый товар — девяносто центов. Погляди, каков товарец!..

Приказчик снял два-три зонта, раскрыл один из них и сунул в руки парню.

— Взгляни-ка, молодой хозяин, зонтик — заграничного шёлка, каркас костяной. Прочно и красиво — и в ясную погоду, и в дождь. Девяносто центов — дешёвое не бывает. Вот там ещё один — тоже заграничный, но материал не так хорош. Возьми-ка, сравни.

Молодой крестьянин взял зонтик и, растерянно раскрыв рот, обернулся к старику, которому перевалило за шестой десяток. Старик грубо сказал:

— Ты, верно, спятил, не хочешь ли зонт ку-

ить? Целую лодку добрых дров мы продали всего-навсего за три доллара. Мать ждёт, что ты принесёшь рису, а ты загляделся на какой-то зонтик.

— Товар-то дешёвый, да денег нет...— смущённо сказал парень.

Этот ответ привёл Линя в смятение, и он сразу пошёл на уступки.

— Эй, братец, а сколько же ты дашь? Посмотри хорошенько, товар стоящий.

— Товар дешёв, да денег нехватает,— ответил старик и потянул сына за руку. Они почти бегом направились к двери. Линь, огорчённый, вернулся за прилавок. Он старался успокоить себя: так вышло не потому, что он разучился торговать,— просто крестьяне стали слишком бедны и даже не могут купить зонтик за девяносто центов. Украдкой он взглянул наискось через улицу и увидел, что несколько человек снова заглядывают в лавку „Юйчансян“. Крестьяне, проходившие мимо, несли в руках пустые корзинки, только у немногих были синие холщёвые узелки с рисом. Ведь даже рис второго урожая, который крестьяне собрали только месяц назад, целиком ушёл на всякие уплаты помещикам и кредиторам-ростовщикам. До нового урожая крестьянам приходилось покупать дорогой рис в городе. Всё это прекрасно понимал Линь. Помещики и ростовщики собирали свою мзду даже и с его торговли.

Приближался полдень. Крестьяне разошлись, а в лавке семьи Линь было продано товаров лишь на доллар с несколькими центами—не больше того, сколько было израсходовано на полоски красной и зелёной бумаги с иероглифами: „Большая распродажа. На все товары скидка 10%“. Грустный вошёл отец Линь в свою

квартиру. Мист Линь забилась в угол, а мать Линь, сдерживая кашель, сказала мужу:

— Отдали им четыреста долларов... чтобы разрешили нам продавать японские товары... Целый вечер потратили на устройство лавки, а торговли нет... И ещё нянюшка У требует своё жалованье.

— Пока нечего тревожиться, ещё день не кончился,— попытался успокоить её муж, но на сердце у него было тревожно. Он сделал несколько шагов по комнате, перебирая в мыслях все известные ему способы оживить торговлю, но тут же отбрасывал их один за другим. В конце концов всем известно, что не одна его лавка терпит убыток. Все обеднели, ничего не подедаешь. И всё-таки он надеялся, что после обеда торговля пойдёт лучше. Односельчане обычно ходят за покупками в конце дня. Не может быть, чтобы они ничего не купили к Новому году. Явись у них только желание купить — и торговля в лавке Линя оживёт. Ведь у него всё-таки дешевле, чем в лавке „Юйчансян“.

Эта надежда заставила Линя встряхнуться, и после обеда он снова сел за прилавок.

Как обычно, прохожих на улице было в это время меньше, чем утром. Почти каждого из них Линь знал в лицо и мог назвать по имени. Облокотившись на прилавок, Линь взглядом встречал и провожал своих односельчан, медленно проходивших мимо. Время от времени он весело кричал кому-нибудь из своих покупателей-завсегдатаев:

— А, почтенный братец! Зайдите выпить чайку. В моей скромной лавочке большая распродажа. Заходите.

Кое-кто останавливался и подходил к прилавку. Линь и его приказчики начинали суетиться: они ловко расспрашивали покупателя, сле-

дили, на каком товаре останавливается его взгляд, и сейчас же доставали этот товар, уговаривая рассмотреть его псвнимательней. Мисс Линь, стоя за резной аркой, иногда, по знаку отца, обращалась к покупателю, почтительно называя его „старшим дядюшкой“. Мальчишка приносил чашку дешёвого чая, в который бросали веточку цветов „нитка жемчуга“.

Сегодня Линь был особенно уступчив в цене. Если покупатель требовал сбросить какую-нибудь мелочь для ровного счёта, Линь прикидывал на счётах, раздумывал с минуту и, наконец, как бы покоряясь судьбе, шёл на уступку.

— Правд же, себе в убыток. Приходится вам псвиноваться только потому, что вы старый покупатель. Прошу вас, может быть, сделаете ещё несколько покупочек.

Так в погоне за покупателями прошёл день. Ссвершили более десятка сделок за наличные и в кредит. Отец Линь повеселел. Он холодно покосился через улицу на лавку „Юйчансян“: там, наверно, завидовали оживлению, которое царило сегодня в лавке семьи Линь. Мисс Линь, время от времени заглядывавшая в лавку, тоже развеселилась, мать Линь стала меньше кашлять.

Наступил вечер, пора было зажигать огни, и Линь подсчитал приход за день. Утром он был равен нулю, а во второй половине дня товара было продано на шестнадцать долларов восемьдесят пять центсв, из них на восемь долларов в кредит. Отец Линь улыбнулся было, но снсва нахмурился: его сегодняшняя „распродажа“ производилась по своей цене, то есть без надбавки на торговые расходы и, тем более, на правительственные налоги. Посидев в задумчивости несколько минут, он снсва открыл кассу, вынул

конторские книги и долго считал на счетах. По графе „дебет“ выходило, что ему должны более тысячи трёхсот долларов: свыше шестисот долларов в своём селе и больше семисот — в окрестных деревнях. По графе „кредит“ он был должен одной только шанхайской фирме „Дуншэн“ семьсот долларов, а всего — никак не меньше двух тысяч. Линь тихонько вздохнул и подумал, что если с завтрашнего дня торговля не пойдёт лучше, то ему не пережить Новый год*. Бросив взгляд на полоски красной и зелёной бумаги, он сказал себе:

„Если продолжать распродажу, как сегодня, — торговля, конечно, должна улучшиться. Убытки? Ну, что же, всё-таки выгоднее сейчас привлечь нескольких крупных покупателей, а потом уж как-нибудь поднять цены... А если ещё из окрестных деревень пойдёт оптовый покупатель — тогда всё будет хорошо“.

На этом сладкие мечты отца Линя прервались. В лавку вошла, трясясь всем телом, старуха с крошечным узелком из синего холста в руках. Линь поднял голову и хотел было скрыться, но старуха его увидела. Оставалось пойти к ней навстречу со словами:

— Госпожа Чжу Третья, вы, конечно, пришли купить что-нибудь к Новому году? Заходите, заходите, пожалуйста. Присаживайтесь. Асю, — обратился он к дочери, — поддержи-ка госпожу Чжу.

Госпожа Чжу Третья села на стул и дрожащими руками осторожно развернула свой синий холщевый узелок. Внутри оказалась квитанционная книжка, сложенная гармоникой. Линь торопливо сказал:

— Знаю, знаю. Завтра пришлю к вам на квартиру.

— Эге, отец... Октябрь, ноябрь, декабрь — три

месяца. Трижды три — девять. Значит, девять долларов. Завтра пришлешь? Ну, нет, не трудись. Лучше уж я сама получу. Так-то.

Госпожа Чжу Третья говорила, поджимая губы. В лавку семьи Линь она вложила триста долларов и ежемесячно получала проценты — три доллара; Линь задолжал ей за три месяца. Он твердо обещал рассчитаться с нею к концу года. Сегодня был уже день очага *, старуха собиралась купить что-нибудь из еды к этому дню. Она сама пришла в лавку Линь, надеясь получить долг. По упрямому выражению её впалого рта можно было догадаться, что она решила не уходить отсюда, пока не получит свои деньги.

Линь почесал затылок, он вовсе не думал отказываться от уплаты девяти долларов, но за последние три месяца выручки едва хватало на жизнь и на уплату налогов. Так незаметно нарастал его долг старухе. Однако, если не заплатить ей и сегодня, она может устроить скандал в лавке, а это будет „потеря лица“.

— Ладно, ладно, получайте ваши деньги, — сказал Линь срывающимся голосом.

Он подбежал к прилавку и высыпал из ящика все наличные деньги, вырученные за сегодняшний день, да ещё из кошелька у себя на поясе достал мелочь. Еле-еле он собрал восемь долларов даянами, десять центов сяоянами да ещё сорок медяков *, и всё это передал госпоже Чжу Третьей. Но когда он увидел, как старуха осторожно пересчитывает серебро и медяки, как, трясясь всем телом, она заворачивает деньги в узелок, он не мог удержаться от вздоха, и ему вдруг страстно захотелось получить обратно хоть несколько грошей. Принуждённо смеясь, он сказал:

— Почтенная госпожа Чжу Третья, ваш синий

холщёвый платок слишком стар. Купили бы вы льняной платочек хорошей марки. Есть у нас прекрасные полотенца, мыло. Купите что-нибудь к Новому году. Цены у нас скромные.

— Не нужно, не нужно. Я уже старуха, мне ничего такого не надо.

Она дрожащими руками спрятала квитанционную книжку в карман и вышла, бережно прижимая к себе узелок.

Расстроенный вернулся отец Линь в свою квартиру. Теперь, когда Чжу Третья получила свои проценты, он вспомнил, что у него в деле есть ещё два вкладчика: Чэнь Лаоци, что живёт у моста, вложил двести долларов и вдова Чжан — сто пятьдесят. До Нового года по этим вкладам надо заплатить больше десяти долларов, и это надо сделать поскорее. Загибая пальцы, он считал дни: двадцать четвёртое, двадцать пятое, двадцать шестое.

Двадцать шестого числа, наверно, можно будет получить деньги по счетам из окрестных деревень. Шоушэн, человек из его лавки, поехал специально по этому делу и должен вернуться не позднее двадцать шестого. Долги в селе он сможет уплатить только двадцать восьмого — двадцать девятого, но вот поставщик из Шанхая может приехать завтра, и тогда остаётся одно: снова взять ссуду в денежной лавке „Хэнюань“. И ещё неизвестно, как пойдёт торговля завтра.

Углубившись в эти печальные мысли, отец Линь шагал по комнате. Его отвлёк радостный возглас:

— Папа, смотри! Семь чи¹ — четыре доллара двадцать центов — совсем недорого.

Сердце отца Линя ёкнуло. Остановившимся

¹ Чи — китайская мера длины, равна 0,32 метра.

взглядом смотрел он на дочь, и смех мисс Линь, державшей в руках кусок шёлка, казался ему глупым. Четыре доллара двадцать центов! Конечно, сумма небольшая, но за сегодняшний день он продал товаров всего на шестнадцать долларов, да и то только по себестоимости. Глухим голосом он спросил:

— Где ты достала деньги?

— Взяла на запись.

Итак, его долг увеличился ещё на несколько долларов. Отец Линь нахмурил брови. Он знал, что дочь к этому привыкла, а мать всегда заступалась за неё, и ему оставалось только невесело рассмеяться. С лёгкой укоризной он сказал:

— И нужно же было тебе спешить. Неужели нельзя было купить всё это после Нового года.

III

Прошло два дня. В лавке семьи Линь продолжалась распродажа. Дела шли хорошо: ежедневная выручка была не меньше тридцати долларов. Мать Линь стала реже кашлять. Мисс Линь, оживлённая и весёлая, деятельно помогала в лавке. Она не сразу откликнулась, когда мать звала её.

— Мама, позволь мне ещё поработать,— говорила она.— Папа устал, он вспотел и совсем охрип. Ты подумай только, один покупатель взял разных вещей на целых пять долларов.

Мать Линь кивала головой и принималась читать молитву богине Гуаньинь. Она зажигала в гостиной ароматическую свечку перед белой фарфоровой статуэткой богини и, раскачиваясь всем телом, клала перед ней земные поклоны. Мать Линь благодарила богиню за покровительство и просила у неё ещё немного милости:

чтобы торговля в их лавке неизменно была прибыльной, чтобы мисс Линь поскорее подросла и чтобы на будущий год богиня послала им хорошего зятя.

Хотя за хлопотами и заботами отец Линь подбодрился и с его лица не сходила улыбка,—на душе у него скребли кошки. Каждый раз, выручая доллар и видя, как покупатель весело уходит с бумажным свёртком подмышкой, Линь мысленно подсчитывал убытки. Много раз он собирался снизить скидку до трёх процентов, хотя она с самого начала распродажи не превышала пяти процентов. И каждый раз, когда он украдкой бросал взгляд на лавку „Юйчансян“ — наискось через улицу,— он чувствовал, что приказчики и хозяин, праздно стоящие там у прилавка, издеваются над ним. Ему казалось, что он слышит, как они говорят: „Поглядите на этого старого дурака Линя. Он распродаёт товар себе в убыток. Чем лучше у него идёт торговля, тем больше он терпит убытков и, конечно, скоро разорится“. В такие минуты Линь крепко закусывал нижнюю губу и решал, что с завтрашнего дня он непременно поднимет цены и будет продавать товары второго сорта по цене первого.

Когда мимо лавки семьи Линь проходил председатель торговой палаты, который уладил вопрос об опечатывании японских товаров,— он тоже улыбался и останавливался, чтобы поздравить Линя. Похлопывая его по плечу, он тихонько говорил:

— Ну, как дела? Не дорого тебе это обошлось— всего четыреста долларов. Имей в виду, что с начальником уездного управления господином Бу тебе тоже придётся уладить дело, иначе и он начнёт с тебя тянуть. Когда торговля идёт хорошо — завистников много, и если начальник

управления сам не обратит внимания, завистники сумеют его подстрекнуть.

Линь поблагодарил председателя торговой палаты за его заботу, хотя так испугался, что едва нашёл в себе силы остаться за прилавком.

Больше всего Линь беспокоился о судьбе Шоушэна, который уехал собирать долги по деревням и до сих пор не вернулся. Линь ждал его с особенным нетерпением, так как представитель шанхайской фирмы „Дуншэн“ ещё позавчера приехал в село. Он требовал деньги, и Линь больше не мог никакими уловками оттягивать уплату этого долга. Если Шоушэн не приедет сегодня или завтра, Линю придётся взять деньги в денежной лавке „Хэнюань“, а это означает, что с него сдерут пятьдесят-шестьдесят долларов одних процентов. Это было страшнее, чем вырезать у себя кусок мяса.

К четырём часам отец Линь услышал какой-то шум на улице. Прохожие громко и возбуждённо переговаривались. Лица у всех были встревоженные. Видимо, что-то случилось. Линь, который непрерывно мучился ему самому надоевшими вопросами: здоров ли Шоушэн, удалось ли ему собрать долги,— тут же решил, что причина общего беспокойства может быть только одна: почтовый пароход ограблен разбойниками. Он остановил прохожего и взволнованно спросил:

— Что случилось? Ограбили почтовый пароход из Лиши?

— Неужели опять грабёж?.. Ограбить — это ещё пустяки, а бывает, и людей похищают,— наобум ответил ему известнейший в округе бездельник и повеса Лу-Монах.

Получив такой неопределённый ответ, отец Линь ещё сильнее встревожился и остановил вто-

рого прохожего, Ван Саньмао, жившего около моста:

— Я слышал, что почту из Лиши ограбили?

— Ну это, наверно, сделали подручные Тайбао Ашу. Тайбао Ашу расстреляли, а его подручные сильны,— равнодушно ответил Ван Саньмао и пошёл дальше.

Линь обмер, холодный пот выступил у него на лбу. Он твёрдо рассчитывал, что Шоушэн вернётся сегодня с почтовым пароходом из Лиши. Сейчас уже четыре часа, а его всё нет. И ещё Ван Саньмао говорит такое! Сомнений не может быть... Незаметно для себя, Линь забыл, что ограбление почтового парохода из Лиши выдумано им самим. Весь в поту прибежал он к себе домой, забыл перешагнуть через порог и чуть не растянулся.

— Папа, в Шанхае началась война! Японские солдаты бросают бомбы и жгут Чапэй¹,— закричала мисс Линь, подбежав к нему.

Отец Линь вздрогнул. Какая-то война в Шанхае—это, в сущности, не имеет к нему отношения; но поскольку сюда замешались японские солдаты, этим делом следует поинтересоваться. И, глядя на возбуждённое лицо дочери, он спросил:

— Японские солдаты бросают бомбы? Откуда ты это знаешь?

— Все на улице говорят об этом. Японские солдаты стреляют из больших пушек, бросают бомбы. Чапэй сгорел до тла.

— А никто не говорил, что почтовый пароход из Лиши ограблен?

Мисс Линь покачала головой. Отец Линь по-

¹ Чапэй — фабричный район Шанхая, заселённый китайцами.

медлил, стоя под резной аркой и почёсывая затылок. Мать Линь кашляла в комнате и бормотала: „Богиня, защити, чтобы бомбы не падали нам на голову“. Линь заглянул в лавку и увидел, что его дочь и два приказчика ведут оживлённый разговор. Через дорогу хозяин мелочной лавочки „Шэнтай“ Цзин Лаоху у своего прилавка что-то рассказывал, размахивая руками. Да, в Шанхае началась война, японские аэропланы бомбардировали и сожгли Чапэй, все торговцы Шанхая объявили забастовку,— всего этого следовало ожидать. Но разве почтовый пароход из Лиши не ограблен бандитами? Никто ничего об этом не говорил.

Почтовый пароход из Лиши уже прибыл вполне благополучно. Цзин Лаоху только что видел, как грузчики пронесли на плечах два мешка почты. У Линя отлегло от сердца. Правда, ему сказали, что Шоушэн сегодня не приехал, но он узнал, что с ним всё в порядке.

Вся улица обсуждала шанхайскую трагедию. Кое-кто громко крикнул: „Черепаший выродок¹ тот, кто теперь будет покупать японские товары“. Мисс Линь услышала это и покраснела до корней волос. Отец Линь, наоборот, нисколько не был взволнован. Ведь все продают японские товары, а он к тому же получил за четыреста долларов специальное разрешение. „Сорвите только торговые марки с японских товаров — и всё сойдёт“, — успокаивал чиновник, получая деньги. С этого момента товары, которыми была полна его лавка, стали называться „отечественными“. Как деловой человек, Линь не находил

¹ Черепаший выродок — распространённое грубое ругательство. Черепаша, рождающаяся из яйца, не знает своих родителей. По китайским понятиям, человек, не знающий своей матери, — самое презренное существо.

оснований беспокоиться. И пока вся улица обсуждала шанхайские события, он был поглощён своими заботами. Его только тревожило, что придётся брать деньги у ростовщика под высокие проценты.

Вечером он отправился к представителю шанхайской фирмы, чтобы попросить его об отсрочке платежа на день-другой. Шоушэн обязательно приедет завтра вечером.

— Хозяин Линь, хозяин Линь, вы же не глупый человек. В Шанхае началась драка, а вы говорите об отсрочке. Ещё неизвестно, может быть, завтра-послезавтра станут поезда. Мне надо было бы уехать сегодня же вечером. Прошу вас немедленно уплатить по счетам, чтобы не позднее завтрашнего утра я мог уехать. Не забывайте, я человек служащий, ем чужой хлеб.

После такого резкого ответа разговаривать было не о чем. Как эти шанхайцы умеют настаивать на своём! Линь, скрепя сердце, отправился в денежную лавку „Хэнюань“ поговорить о займе. Он боялся, что „денежная мартышка“, узнав, как спешно ему нужны деньги, будет действовать, как грабитель во время пожара, и заломит неслыханные проценты. Но разговор в денежной лавке принял совсем иной оборот. Тощий доверенный хозяина молча выслушал просьбу Линя, не переставая потягивать старинную водяную трубку.

— Не выйдет. Японцы начали войну. В Шанхае забастовали торговцы, все банки и денежные лавки закрыты. Кто знает, когда всё наладится. А если сообщение с Шанхаем прервётся, то наша лавка станет, как безногий краб. Мыто знаем,— раз банковские операции прекращаются, лучше не заниматься делами, даже такими.

которые посolidнее вашей уважаемой лавки. Извините, ничем помочь не могу.

Линь думал, что скряга нарочно запугивает его, чтобы сорвать проценты повыше. Но едва он собрался повторить свою просьбу, как ростовщик перешёл в наступление:

— Наш хозяин получил известие, что беспорядки могут усилиться, и только что распорядился прекратить операции. Ваша лавка должна нам пятьсот долларов, а двадцать третьего числа она задолжала ещё сто—итого шестьсот долларов. До конца года вы должны этот долг покрыть. Мы, можно сказать, давно находимся в деловых отношениях,—поэтому я заблаговременно предупреждаю вас, чтобы потом не было лишних споров и никому не было неудобно.

— Да... но моя лавка... Посмотрю, как удастся свести счета,—с трудом выговорил Линь.

— Ну, к чему такая скромность. За последние дни торговля у вас идёт совершенно иначе, чем у других. Какие-то жалкие шестьсот долларов—разве их так уж трудно уплатить. Будем считать, что сегодня мы с вами договорились, я надеюсь, что вы во-время уплатите весь долг; тогда и мне будет приятно смотреть в лицо моему хозяину.

Тут только Линь понял, что теперь его делу ничем не поможешь. Втянув голову в плечи, вышел он из денежной лавки. Слова ростовщика заставили его понять, что война в далёком Шанхае касается и его, Линя.

Новый год грозил Линю разорением. Шанхайская фирма требовала денег, денежная лавка „Хэнюань“ не соглашалась перенести долг на будущий год. Шоушэн всё ещё не вернулся, и с чем он приедет—неизвестно.

Линю уже казалось, что он видит на своей

лавке страшное объявление „Торговля приостановлена для приведения в порядок счетов“. Какое тут приведение в порядок счетов, когда в его лавочке давно нет собственного капитала. В новом году вместо лавки у него, повидимому, останутся только три рта — его семья. Нищ, как червь!

Мысли Линя становились все более мрачными. Проходя по мосту Вансянь, он посмотрел на воду, бурлившую внизу, и ему пришло в голову одним прыжком покончить со всем этим... В эту минуту его окликнули:

— Господин Линь, это верно, что в Шанхае война? Говорят, и к нам прибыл отряд солдат. Они уже требуют от торговой палаты деньги на содержание. Целых двадцать тысяч долларов. В торговой палате сейчас идёт заседание.

Линь обернулся и взглянул на говорившего. Это был один из его кредиторов, тот самый Чэнь Лаоци, который вложил двести долларов в лавку семьи Линь.

— О... — только и сказал Линь; он торопливо прошёл мост и чуть не бегом пустился домой.

IV

В этот вечер мать Линь добавила к обычному ужину тарелку докрасна томлёного мяса, купленного в ресторане „Храм восьми бессмертных“. Это блюдо отец Линь особенно любил. На столе стояла бутылка жёлтого рисового вина. Мисс Линь не переставала улыбаться. Она улыбалась и тому, что торговля в лавке идёт хорошо, и тому, что её новое шёлковое платье готово. Мать Линь чувствовала себя почти здоровой.

Только у отца Линь на сердце было тяжело. Он молча пил вино, поглядывая то на дочь, то

на жену. Он хотел сообщить им печальные новости, но у него нехватало мужества. Он знал, что это прозвучит, как разрыв бомбы. К тому же он ещё не совсем потерял надежду и хотел верить, что сумеет выкарабкаться или, по крайней мере, выгадать время.

Торговая палата постановила выдать на содержание солдат пять тысяч долларов, и Линю объявили, что его доля — пятьдесят долларов. Он безропотно согласился внести эту сумму и решил только в самом крайнем случае сказать жене и дочери правду.

На следующий день Линь проснулся в половине седьмого. Он чувствовал лёгкое недомогание. Наспех проглотив две чашки рисового отвара, он вышел в лавку и сразу же увидел шанхайца. По выражению его лица Линь понял, что он твёрдо решил сегодня же получить деньги. Но ещё больше испугало Линя то, что в лавке „Юй-чансян“ также появились красные и зелёные полоски бумаги, объявляющие о большой распродаже.

— Вы надо мной смеётесь, хозяин Линь. Вчера вы мне не дали определённого ответа... Пароход уходит в восемь часов, я во что бы то ни стало должен попасть на него, чтобы успеть пересесть на поезд. Поторопитесь, пожалуйста.

Линь спокойно извинился перед ним и попросил принять во внимание, что, в связи с военными действиями в Шанхае, денежные лавки прекратили выдачу ссуд и что он, многолетний покупатель фирмы, рассчитывает на особое снижение.

— Так вы хотите, чтобы я вернулся с пустыми руками?

— Что вы, что вы! — голос Линя задрожал, — как только Шоушэн вернётся, я отдам вам всё,

что он привезёт, и пусть я не буду человеком, если спрячу хоть один грош.

Гсворить больше было не о чем. Шанхаец бесцеремонно уселся в лавке и объявил, что не сдвинется с места. Линь был подавлен. Правда, за последний год ему приходилось туго, но „своё лицо“ он всё же сохранял незапятнанным. И вот теперь в его лавке, как на страже, сидит чужой человек. Стоит первому встречному узнать об этом — и доверие к лавке семьи Линь будет подорвано. Что будет, если все его кредиторы станут действовать так же? Отец Линь несколько раз вежливо и настойчиво просил шанхайца пройти в комнату, но тот неизменно отказывался.

Забарабанил холодный дождь. Улица опустела. Мелкие холодные капли вот-вот готовы были превратиться в снежинки. В лавках вдоль всей улицы приказчики сидели с печальными лицами. Такого грустного кануна Нового года никто не помнил. Шанхаец вдруг почему-то заговорил ласковым тоном:

— Хозяин Линь, вы — хороший человек. У вас нет дурных привычек и торгуете вы умело. Если бы вы родились на двадцать лет раньше, вы, конечно, стали бы богатым человеком. Теперь другие времена. Налоги тяжёлые, расходы большие, торговля слабая. И вы всё это выдерживаете только потому, что вы способный человек.

Линь молчал.

— Ведь вы, — продолжал шанхаец, — полностью зависите от деревенских покупателей, а крестьяне совсем обеднели. С этим ничего не поделаешь... О, уже девять часов! Что же это ваш приказчик не возвращается? Надёжный ли он человек?

Линь вздрогнул и не сразу нашёлся, что ответить. Шоушэн проработал у него восемь лет и никогда ни в чём плохом не был замечен, но

можно ли ручаться за человека, особенно, если он не возвращается к сроку?

— Папа, Шоушэн вернулся! В грязи с головы до ног,— услышал он в эту минуту голос мисс Линь.

Линь выскочил из-за прилавка, но сразу же остановился. У него подкосились ноги. В лавку вошёл Шоушэн. Он на самом деле был весь в грязи. Тяжело дыша, он сел на скамью. Линь не сомневался, что с ним приключилась беда, и смотрел на него, не решаясь заговорить. Шанхаец нахмурил брови. Отдышавшись, Шоушэн сказал:

— Чуть-чуть не влопался. Ещё немножко, и я попал бы к ним в лапы.

— Бандиты ограбили почтовый пароход?— испуганно спросил Линь.

— Да нет, какие бандиты! Солдаты забирала людей в носильщики. Вчера вечером я не поспел на пароход, сел сегодня утром на грузовой, а он остановился за восточной заставой, и нам сказали, что здесь устраивают облавы. Кто бы мог предвидеть? Я слез и убежал. Мао из портняжного заведения „Баосян“, что к западу от нас, поймали солдаты.

Шоушэн завернул полу халата, вытащил из кармана узелок и передал его хозяину:

— Здесь всё. Фирма „Хуанмао“ в Лиши на самом деле дрянная. С таким клиентом на будущий год надо быть осторожнее. А теперь я умоюсь, переоденусь и вернусь сюда.

Он вышел. Линь взял узелок, ощупал его и слабо улыбнулся. Он развернул узелок на прилавке и прежде всего просмотрел ведомость, затем проверил её на счетах и, наконец, пересчитал наличные деньги. Там оказалось одиннадцать долларов даянами, двести центов сяо-

янами, четыреста двадцать долларов кредитками и два краткосрочных векселя фирм: один на пятьдесят долларов, другой на шестьдесят. Если всё это отдать шанхайской фирме, то и тогда он ещё будет должен ей больше ста долларов. Линь украдкой взглянул на выжидавшего шанхайца. С глубоким вздохом, будто вырывая из груди собственное сердце, Линь передал ему оба векселя и четыреста долларов кредитками. Пришлось долго уговаривать шанхайца, прежде чем он кивнул головой и процедил: „Ладно“. Но, рассмотрев векселя, он рассмеялся и сказал:

— Извините, хозяин Линь. Попрошу вас разменять эти векселя и уплатить мне наличными.

— Пожалуйста, пожалуйста,— ответил Линь. Он торопливо поставил на обороте векселей свою печать и послал одного из приказчиков в денежную лавку „Хэнюань“ обменять их на кредитки.

Приказчик вернулся без денег и без векселей. Лавка „Хэнюань“ приняла векселя, но денег не выдала, передав, что произведёт соответствующий расчёт по задолженности лавки семьи Линь.

Пошёл снег. Линь, ничего не замечая, без зонта отправился сам в лавку „Хэнюань“, но тоже вернулся ни с чем.

— Ну, как дела, хозяин Линь?— нетерпеливо спросил шанхаец, глядя на его расстроенное лицо.

Линь готов был заплакать. Он ничего не ответил шанхайцу и только вздохнул. Ему оставалось лишь просить об отсрочке платежа. Пришёл Шоушэн и принял участие в переговорах. Оба они поклялись, что к десятому числу после Нового года непременно переведут в Шанхай

весь остаток долга; они ведь старые покупатели и прежде всегда расплачивались аккуратно. Они клялись, что не хитрят и не обманывают.

И всё же Линю пришлось кое-что добавить. Крепя сердце, он вынул из выручки последних дней пятьдесят долларов и выпроводил, наконец, назойливого шанхайского гостя.

Пробило одиннадцать. За окном всё ещё падал снег. Покупателей больше не было. Линь тоскливо смотрел на улицу, потом стал обсуждать с Шоушэном, как собрать долги с односельчан.

— Я слышал, что фирма „Цзюйлун“ у южной заставы и „Тунчан“ — у западной скоро вылетят в трубу, — сказал Шоушэн. — Они должны нам около трёхсот долларов. Надо действовать быстро.

Линь переменялся в лице. Шоушэн помолчал и чуть слышно сообщил ещё более страшное известие:

— Ходят злые слухи о нас самих. Поэтому денежная лавка „Хэнюань“ так нажала на нас. Может быть, шанхаец-тоже слышал эту сплетню. Кто нам такую свинью подкладывает? Неужели наши соседи, — Шоушэн подмигнул в сторону лавки „Юйчансян“.

Линь подумал, что на этот раз ему пришёл конец, только чудо может его спасти. Из рук отца принял он свою маленькую лавку, торговал всегда честно, никому не вредил. И всё-таки небо его не пощадило.

— Не горюйте, хозяин, пусть их распускают сплетни. Перед войной всегда болтают вздор. Я слышал, многие лавки совсем закроются после Нового года. Не нам одним приходится туго. Когда небо рушится — оно давит всех.

Снег падал густыми хлопьями. Пустынная улица побелела. Может быть, никогда ещё эта ули-

да не встречала так печально и тревожно Новый год.

Далеко на севере тяжёлые пушки врага яростно громили громадный город Шанхай.

V

Новогодние праздники кончились. На селе обанкротились двадцать восемь лавок. Разорились и фирмы „Цзюйлун“ и „Тунчан“, которые должны были Линю триста долларов. В последнюю минуту Шоушэн сумел вырвать у них всего лишь двадцать долларов. После этого, как говорили, ни один кредитор не смог получить от них гроша ломаного. Хозяева прогоревших фирм скрывались. Только содействие председателя торговой палаты пока избавляло самого Линя от необходимости прятаться, но четыреста долларов, которые он остался должен денежной лавке „Хэнюань“, необходимо было уплатить не позднее пятнадцатого числа. Кроме того, лавка „Хэнюань“ установила надзор за лавкой семьи Линь. С пятого числа, после праздника Нового года, специальный человек должен был следить за торговлей, и восемьдесят процентов ежедневной выручки немедленно поступали в погашение задолженности.

Печально, как в склепе, прошли праздничные дни в доме Линя. Отец Линь всё время вздыхал, кашель матери Линь напоминал разрывы новогодних хлопушек. Мисс Линь, хотя она не кашляла и не вздыхала, казалась совсем больной. Её новое шёлковое платье снесли в ломбард, чтобы заплатить жалованье нянюшке У. Ученик из лавки Линя всё утро простоял у дверей единственного на селе ломбарда и, с трудом протолкавшись, наконец, к прилавку оценщика, получил за новое платье всего два доллара. В этот день

в ломбарде за самое дорогое платье или драгоценное украшение нельзя было получить больше двух долларов. На языке специалистов это называется „запечатать двери на двух долларах“. Деревенские жители, дрожа от холода, бросали на прилавок снятую с себя ватную одежду, но оценщик ломбарда швырял её обратно и кричал: „Такое в заклад не берём“.

С первого дня Нового года установилась хорошая солнечная погода. По обычаю, на пустыре перед кумирней Гуаньди* был устроен новогодний базар с фокусниками и комедиантами. Люди, лениво волоча ноги, подходили к лоткам, ощупывали свои пустые карманы, и так же лениво шли дальше. Ребятишек нельзя было увести от лотков с пёстрыми хлопушками, и в конце концов им доставались от матери только шлепки. Лотошники едва зарабатывали себе на обед и ежедневно ругались с хозяином постоянного двора „Отдых купца“, которому они ничего не могли заплатить. Только комедианты и фокусники собрали несколько долларов.

На четвёртый день Нового года Линь с трудом наскрёб три доллара, чтобы, по обычаю, угостить новогодним обедом своих „друзей из лавки“. Грустно пили они вино. Разговор шёл о пустяках. Вдруг один из приказчиков сказал:

— Сумасшедшее начало года! Люди стали хуже собак. Говорят, в Шанхае Чапэй сожгли до дла, сотни тысяч людей остались без крова. Район Хонкью ещё не сожгли, но и оттуда все разбежались. Даже вещи не могли с собой унести. Квартиры в Шанхае сильно подорожали. Беженцы уходят в деревни. Вчера и к нам приехала первая партия. Люди, можно сказать, состоятельные, а остались без угла.

Шоушэн вдруг оживился. Он отложил палочку, поднял рюмку и одним глотком осушил её.

— Хозяин, вы слышали, что говорит Асы? Теперь, пожалуй, можно будет продать все наши тазы, полотенца, мыло, зубной порошок и зубные щётки. Их у нас целая гора.

Линь удивлённо посмотрел на него.

— Хозяин, само небо посылает нам этот случай. Ведь беженцам без этих вещей не обойтись, и деньги у них найдутся.

Шоушэн, весело улыбаясь, нацедил себе ещё рюмку вина. Приказчики с восхищением смотрели на него, и только один Линь оставался равнодушным.

— Разве этот случай удержишь в руках? Тазы и полотенца есть и в других лавках.

— Да что вы, хозяин, забыли, что ли? Ведь ни у кого нет таких запасов, как у нас. „Юйчансян“ не откопает у себя и десяти тазов, да и те — залежавшаяся дрянь. Это дело из наших рук никуда не уйдёт. Нужно сразу же написать объявления и расклеить их на всех четырёх заставах, где живут беженцы... Где они живут, Асы?

— У кого здесь родня, те живут у родственников, остальные пока в пустом здании шёлковой мастерской за западной заставой, — ответил Асы. Он сиял, очень довольный, что сумел так быстро ответить на столь важный вопрос.

Теперь и Линь повеселел. Он сейчас же составил текст объявления, в котором перечислил все предметы домашнего обихода, имевшиеся в его лавке. Подражая крупным шанхайским магазинам, торгующим „набором на доллар“, он решил составить комплекты из таза, полотенца, зубной щётки и порошка. Он тщательно выписывал крупные иероглифы: „Большая распродажа. На доллар — четыре предмета“. Шоушэн разрезал

на полоски остатки красной и зелёной бумаги, взял кисть и тоже принялся за работу. Приказчики и мальчик-ученик стали подбирать комплекты. Рук нехватало, и Линь велел дочери писать объявления и увязывать пакеты.

В этот вечер в лавке семьи Линь работали не покладая рук, до пятой стражи ночи*. И когда утром затрещали первые хлопущки, возвещая начало торговли, лавка снова преобразилась.

Мать Линь поднялась ещё до рассвета, зажгла свечу перед фарфоровой богиней Гуаньинь и долго отбивала перед ней земные поклоны. Она напомнила богине все свои просьбы и готова была умолять её, чтобы в Шанхае воевали подольше, только бы к ним приезжали ещё беженцы.

Всё шло так, как предсказывал Шоушэн. В кассе лавки Линя к четырём часам дня было сто долларов. Ходко шли „долларовые пакеты“, заодно раскупали и посуду. Беженцы покупали легко, не торгуясь. Они не были похожи на местных крестьян, которые долго выбирают и, прежде чем заплатить, настойчиво требуют скидку. Мисс Линь, как ветер, ворвалась в комнату, чтобы сообщить матери о бойкой торговле. Мать Линь ещё усерднее стала отбивать поклоны перед богиней Гуаньинь. В эту минуту у неё зародилась мысль: хоть и большая разница в годах, а хорошо бы взять Шоушэна в зятя. Да, кажется, и сам Шоушэн частенько заглядывается на дочь хозяина, выросшую у него на глазах.

Общая радость семьи Линь была омрачена приходом человека из денежной лавки „Хэнюань“, который забрал почти всю дневную выручку. За ним явились, неизвестно по чьему наущению, вкладчики — госпожа Чжу Третья, Чэнь Лаоци, что жил возле моста, и вдова Чжан. Под предлогом, что им нужно закупить рис, они

попросили уплатить вперёд проценты и выразили желание изъять часть своих вкладов. Только к концу дня пришло радостное известие: приехала ещё одна партия беженцев.

Отец Линь добавил от себя два лишних мясных блюда к ужину служащих, чтобы отблагодарить их за усердие. Ловкость Шоушэна вызывала общее восхищение. И только отец Линь ни на минуту не мог забыть о вкладчиках, пожелавших взять свои деньги обратно. Не к добру такие вести на Новый год.

— Их кто-то подстрекает, — сердито сказал Шоушэн, кивнув через улицу наискось...

У Линя тоже не было сомнений на этот счёт. Он решил попросить председателя торговой палаты поговорить с тремя „дорогими компаньонами“, чтобы они оставили свои вклады в деле Линя и не прислушивались к злостным слухам, которые распространяет его конкурент.

После ужина, подсчитав выручку, Линь отправился к председателю торговой палаты. Председатель, выслушав Линя, сразу же пообещал ему своё содействие и похвалил за умение вести торговлю. Потом, поглаживая подбородок, он наклонился к Линю и сказал:

— Есть у меня к тебе одно дельце. Я уже давно хотел поговорить с тобой, да как-то не было случая. Господин Бу, начальник уездного управления, где-то повстречался с вашей милой дочкой, и она ему понравилась. Ему сорок лет, а детей у него нет. Жена его бездетна. И если бы ваша дочка родила ему сына, она могла бы стать госпожой начальницей уездного управления, а я счёл бы себя крайне польщённым той ролью, которую сыграл в этом деле.

Отцу Линю даже и во сне не снилась такая

неприятность. А председатель торговой палаты торжественно продолжал:

— Мы старые друзья. Мы можем говорить прямо. Сейчас это всюду принято, и если ваша дочка переедет к господину Бу, это будет настоящий брак. Отказать ему было бы очень неудобно.

— Я понимаю, что вы с лучшими намерениями уговариваете меня. Но ведь я только маленький человек, и моя дочка не знает никаких правил хорошего тона. Смею ли я принять такую большую честь?

— Ха! Вопрос не в том, принимаете ли вы эту честь, а в том, что ваша дочь ему приглянулась. Давайте решим так: возвращайтесь домой и посоветуйтесь с вашей уважаемой супругой, а я, если увижу господина начальника управления, скажу ему, что ещё не пришлось к слову поговорить с вами об его деле. Ладно?— И, переходя на неофициальный тон, он добавил:— Но ты должен поскорее дать мне ответ.

Вернувшись домой, отец Линь отослал дочь из комнаты и залпом выложил всё жене. Не успел он договорить, как она закашлялась так сильно, что, казалось, этот кашель был слышен в соседнем доме. Наконец, она сказала:

— Мы не можем на это согласиться... Если бы даже не наложницей... и то я не могла бы жить без Асю. Я её и замуж не отдам в чужой дом.

— Я тоже так думаю, но...

— Мы ведём торговлю, как порядочные люди... неужели, если мы не согласимся, нас разорят...

— Конечно. У этих людей нутро злее, чем у бандитов,— тихо ответил отец Линь.

— Я своей старой жизни не пощажу... спаси нас от несчастья и бед, богиня Гуаньинь,— мать Линь заплакала и хотела выйти из комнаты, но столкнулась в дверях с дочерью. Очевидно, мисс

Линь что-то услышала. Лицо её побледнело. Мать Линь обняла девочку и решительно сказала:

— Пусть кто-нибудь попробует тебя украсть, я с ним насмерть буду биться... Когда ты родилась, я заболела... не легко было растить тебя. Лучше бы выдать тебя за Шоушэна... Разбойники, не боятся неба!

Мать и дочь заплакали навзрыд. Отец Линь только вздыхал, глядя на них. Больше всего он опасался, что плач услышат соседи: слёзы на Новый год — плохое предзнаменование.

На другой день, хотя торговля с утра шла хорошо, Линя мучили невесёлые предчувствия. В каждом покупателе высокого роста он подозревал человека, которого начальник уездного управления подослал, чтобы он следил за лавкой и к чему-нибудь придрался.

Линя не обрадовало даже, что к полудню у него в кассе было шестьдесят долларов. Только на аукционах и в обанкротившихся лавках бывал такой наплыв покупателей.

Днём Шоушэн вдруг сказал ему:

— А знаете, опять кто-то распускает слухи, что вы собираетесь бежать...

Шоушэн умолк на полуослове: в лавку вломились два полицейских:

— Кто здесь хозяин Линь?

Отец Линь вскочил из-за прилавка. Полицейские без разговоров схватили его под руки и увели.

VI

В этот день Линь не вернулся домой. Торговля в лавке шла оживлённо, и Шоушэн не мог отлучиться, чтобы пойти разузнать о хозяине. Ему то и дело приходилось заглядывать в комнату

хозяйки, чтобы хоть немного успокоить её и мисс Линь.

— Матушка, не тревожьтесь, хозяин пошёл уладить дело с нашими вкладчиками. Торговля идёт хорошо, всё обойдётся.

Мать Линь не верила словам Шоушэна. Исчезновение мужа так напугало её, что к вечеру она слегла.

Шоушэн взял на себя все дела лавки.

Когда стали зажигать огни, пришёл председатель торговой палаты и сказал, что Линь задержан до выяснения слухов о его намерении бежать от кредиторов.

Шоушэн помертвел. Он осторожно спросил, нельзя ли взять хозяина на поруки, чтобы он мог со всеми расплатиться.

— Ну да! Не под твоё ли поручительство, не под твои ли пустые руки?

Председатель палаты нахмурил брови и долго смотрел на Шоушэна, потом отвёл его в угол и тихо сказал:

— Я не могу быть безучастным к делу твоего хозяина. Но помочь ему очень трудно: нужны деньги. Я просил начальника уездного управления заступиться за него, но господин Бу потребовал, чтобы твой хозяин прежде дал согласие на одно дело... Да теперь и этого мало... нужны деньги.

Председатель торговой палаты поднял руку и помахал двумя пальцами, рассчитывая на догадливость Шоушэна. Затем он поспешно удалился.

Шоушэн задумался. У кого бы достать денег? Он не знал, есть ли у матери Линь личные сбережения. Председатель палаты ясно показал, что требуется двести долларов, да ещё неизвестно, хватит ли этого.

— Зачем приходил председатель палаты... что

он сказал?..—с тревогой спросила мать Линь вошедшего в комнату Шоушэна.

— Это не он приходил...

— Ты от меня ничего не скрываешь... Его видела Асю.

— Председатель палаты сказал, что начальник уездного управления согласен помочь...

— Ай-я! Господин Бу согласился помочь?.. Нам не нужна его помощь. Я знаю, что твоему хозяину не жить, и за мной скоро смерть придёт... Но Асю... за неё я боюсь. Береги её, Шоушэн, не обижай её, тогда я буду спокойна... Уходите вместе, не то они и её выкрадут...

Шоушэн молча смотрел на мать Линь, не зная, что ответить. Он подумал, что она сошла с ума. Украдкой он взглянул на мисс Линь, и сердце его забилось, Мисс Линь покраснела и опустила голову.

— Старший брат Шоушэн, к тебе пришли,—позвали Шоушэна из лавки. Он быстро вышел из комнаты, думая, что это опять пришёл председатель торговой палаты, но, к своему удивлению, увидел господина У—хозяина лавки „Юйчансян“.

У вежливо спросил, известно ли что-нибудь о господине Линь и протянул Шоушэну какой-то лист бумаги. Это был список комплектных товаров, продававшихся в лавке семьи Линь. Шоушэн с первого взгляда всё понял:

— Передайте мне все эти товары,—категорическим тоном потребовал У.

— Хозяина нет, я за него распорядиться не могу,—спокойно ответил Шоушэн.

— А ты поговори с хозяйкой,—разве это не одно и то же?

Шоушэн размышлял, как поступить. Он чувствовал страх и досаду. Если согласиться—

это конец лавки семьи Линь, конец делу, которое становилось кровным для него самого. Он решил пустить пробный шар.

— Я пойду поговорю с хозяйкой. Но имейте в виду, если она и её дочь согласятся отдать этот товар — так только за наличные.

— За наличные? Ты шутишь!

— У нашей хозяйки крутой нрав, и я с ней ничего поделаться не могу. Лучше всего обсудить это дело завтра. Только что председатель торговой палаты сказал, что начальник уездного управления согласился заступиться за хозяина. Он может ещё сегодня вечером вернуться домой, — холодно сказал Шоушэн и, сложив список вчетверо, хотел сунуть его в руки господину У.

У оттолкнул руку Шоушэна и быстро сказал:

— Ладно, ладно. Наличными, так наличными. Сегодня вечером передашь товар и получишь деньги.

Мать Линь не могла ни на что решиться. Она плакала, не осушая глаз и твердила, что мужа убили и теперь её с дочкой пустят помиру.

Шоушэн решил действовать на свой страх и риск. У резной арки его догнала мисс Линь.

— Мама совсем заболела. Достань поскорее деньги и спаси отца, старший братец Шоушэн. Ты...

Мисс Линь запнулась и убежала в комнату. Шоушэн проводил её взглядом, затем резко повернулся и вошёл в лавку с твёрдым решением продать товар лавке „Юйчансян“. Деньги он получил в тот же вечер. Зажав в руке сотню и спрятав остальные восемьдесят долларов, Шоушэн отправился к председателю торговой палаты. Через полчаса он вместе с отцом Линем вернулся домой.

Мать Линь остолбенела от изумления.

Радость встречи была коротка: надо было тотчас же решить, что делать дальше. Лавка была пуста. Долги следовало уплатить немедленно. Шоушэн вытащил из-за пазухи бумажный сверточек и положил его на стол.

— Вот оставшиеся восемьдесят долларов.

Он помолчал, потом шепнул:

— Хозяин,—и, обмакнув палец в чашке с чаем, написал на столе иероглиф: „бежать“.

Линь покачал головой, взглянул на жену, потом на дочь и снова покачал головой.

— Хозяин, другого пути нет. Мы соберём ещё долларов сто. На первое время вам хватит. Я останусь здесь с матушкой,—тихо продолжал Шоушэн; но мать Линь услышала его слова. Она внезапно поднялась и молча вышла из комнаты. Мисс Линь побежала за ней. Шоушэн быстро сказал:

— Хозяин, вам и младшей сестрёнке нужно бежать вместе. Если она останется здесь, мать не будет спокойна. Она всё время твердит, что мисс Линь украдут.

В соседней комнате громко заплакала мисс Линь, отец и Шоушэн бросились к двери. На пороге они встретились с матерью Линь. Она вошла в комнату с пергаментным свёртком в руках:

— Идите все сюда и слушайте. Это моё собственное... Двести долларов. Я хочу, чтобы Асю стала женой Шоушэна. Завтра она уедет вместе с отцом. Шоушэн на несколько дней останется здесь со мною. Мне теперь жить недолго. Подойдите, я вас благословлю и буду спокойна...

Мать Линь одной рукой притянула к себе дочь, другой—Шоушэна и потребовала, чтобы они совершили церемониальный поклон. Они поклонились. Оба покраснели и опустили головы.

Отец Линь перевёл дыхание и сказал:
— Так тому и быть. Шоушэн, ты пока оста-
нешься здесь. Будь осторожен.

VII

Известие о бегстве Линя распространилось по
всему селу. Денежная лавка „Хэнюань“ первая
послала людей в лавку семьи Линь, чтобы опе-
чатать остаток товаров. Они принялись искать
счётные книги, но ни одной не нашли. Послали
за Шоушэном, он отказался притти: он лежал
больной в постели. Пошли к матери Линь. Она
ничего не знала. И так как она была только же-
ной хозяина, с ней ничего нельзя было поделать.

Вскоре в лавке собрались все кредиторы. Они
шумно спорили о том, как разделить оставшиеся
товары. Председатель торговой палаты тщетно
пытался примирить их.

Пришли двое полицейских со своими палками
и стали у дверей. Они грубо покрикивали на
толпу зевак.

— Пропустите меня. Там у меня триста долла-
ров. Мои кровные денежки,— препиралась госпожа
Чжу Третья с полицейским. Она пыталась про-
биться сквозь толпу. На лбу у неё вздулась жила
в мизинец толщиной. Она протолкалась поближе
к двери и тут увидела вдову Чжан с ребёнком
на руках. Вдова умоляла второго полицейского
пропустить её в лавку.

— Кумушка Чжан!— окликнула её госпожа Чжу
Третья и уселась на каменных ступеньках. Вдо-
ва Чжан оглянулась, увидела госпожу Чжу
Третью, опустилась рядом с ней на ступеньки и
громко запричитала.

— Ой, муж мой Ада, ты оставил меня! Если
бы ты знал, как мне тяжело! Вот уж минуло три

года, как тебя убили. Проклятый Линь, чтоб не видать ему ни детей, ни внуков. Больше ста долларов, мои кровные денежки, заработанные моими руками, ухнули в воду, и хоть бы вода всплеснулась. Ох, тяжела жизнь бедного человека, а у богатых сердце злое...

Глядя на мать, заплакал и ребёнок. Вдова Чжан обняла его и зарыдала ещё надрывнее.

Госпожа Чжу Третья не плакала. Её провалившиеся глаза налились кровью, и она твердила:

— У бедного — одна жизнь и у богатого — одна жизнь. Не отдадут мне моих денег — я своей жизни не пощажу.

Из лавки вышел человек. Это был Чэнь Лаоци, что жил около моста. Он позеленел от гнева и, проталкиваясь вперёд, не переставал ругаться.

— Разбойники, вы ещё увидите, какое вас постигнет возмездие. Небо вас огнём сожжёт, земля разверзнется под ногами. И это произойдёт на моих глазах. Если уж приходится терпеть убытки, так надо всем их терпеть, разложить поровну, по справедливости.

Чэнь Лаоци заметил госпожу Чжу Третью и вдову Чжан и крикнул им:

— Тетушка Третья, кумушка Чжан, что вы тут сидите и плачете? Они уже весь товар поделили. Я одной глоткой не могу перекричать десяток пастей. Эти собаки ничего слушать не хотят, говорят, что наши деньги в счёт не идут...

Вдова Чжан заплакала ещё горше. Полицейский, стоявший впереди, стукнул её по плечу своей палкой.

— Эй, чего ревьешь? Твой кормилец уже помер, кого тебе ещё оплакивать?

— Люди украли у нас последнее, а ты ещё издеваешься над бедной женщиной! — и Чэнь Лаоци с силой толкнул полицейского. Полицей-

жий, выпучив глаза, замахнулся и хотел его ударить. Толпа зашумела. Второй полицейский подбежал и оттащил Чэнь Лаоци.

— Зря ты здесь орёшь. Нас поставили стеной. От крика пользы не будет.

— Ступай жаловаться, Чэнь Лаоци,— раздаётся голос из толпы. Это крикнул известный всему селу повеса Лу-Монах.

— Ступай, ступай, посмотри, что они скажут,— подхватило несколько голосов. Однако полицейский, выступивший примирителем, с холодной усмешкой потрепал Чэнь Лаоци по плечу и сказал:

— Я тебе советую: не нарывайся зря на неприятности. Уйдёшь не солоно хлебавши. Подожди лучше, пока вернётся хозяин Линь и рассчитается с тобой. Он обманывать тебя не станет.

Слова полицейского ещё больше разозлили Чэнь Лаоци. Зеваки подстрекали его, советовали идти жаловаться, и он, обращаясь к Чжу Третьей и вдове Чжан, сказал:

— Идём, что ли? Они каждый день кричат, что защищают бедных.

— Они говорят, что задержали хозяина Линя для того, чтобы он не убежал и не унёс с собой чужих денег,— крикнул кто-то из толпы.

Чэнь Лаоци с двумя женщинами в сопровождении толпы зевак направились к зданию уездного управления. Там у ворот уже стояло четыре полицейских.

— Не подходи!

— Мы пришли с жалобой. Лавка семьи Линь обанкротилась. Мы не можем получить наших денег,— закричал в ответ Чэнь Лаоци, шагавший впереди. В это время за спиной полицейских появился человек с чёрными оспинами на лице и

приказал разогнать толпу. Полицейские пустили в ход палки.

Последней ушла старуха Чжу Третья. Она возвращалась домой по пустынной улице, мимо разорённой лавки семьи Линь. Там никого уже не было, только ветер трепал большое объявление, висевшее у двери и возвещавшее: „Большая распродажа необходимых предметов для беженцев из Шанхая“.

ЛЕГЕНДА О КРАСНОМ ФОНАРЕ

Шумными аплодисментами приветствовали Бай Е друзья. Он встал и, опершись рукой на стол, обвёл спокойным взглядом всех присутствующих. Колеблющиеся язычки горевших на столе красных свечей уютно освещали фронтную землянку. В ней собралась студенческая молодёжь, работающая при политотделе армии.

Бай Е хранил непонятное для собравшихся молчание. Непринуждённое веселье молодёжи утихло, словно застыло от ночного холодка. В напряжённом молчании все смотрели на Бай Е. Его лицо выдавало скрытое волнение.

— Поэт тоскует по родному дому,— сказал кто-то.

— Тише! Бай Е расскажет нам историю об утраченной любви.

— Или нсвогодний рассказ...

Бай Е поднял голову, все умолкли.

— Сегодня по старому календарю канун Нового года,— медленно произнёс Бай Е.— Вы любите слушать меня, но ведь я уже пересказал вам всё интересное...

— Расскажи что-нибудь героическое.

— Героическое? Право, не знаю, что... Попросите лучше маленькую Лю Сяюнь, пусть споёт нам „Тюремную песню“ Горького.

Лю Сяюнь сперва отказывалась, потом вышла на середину землянки и прислонилась к столбу, подпиравшему потолок. Прядь тонких чёрных волос спустилась на её миловидное лицо, белыми зубами она прикусила нижнюю губу, похожую на половинку листа.

— Спой, Маленькая Лю,— ещё раз попросил Бай Е.

— Не смотрите на меня и не торопите,— сказала она застенчиво.

— Раз уж решила петь, так пой! Не к чему жеманиться,— шепнула завистливая Сяо Чжоу.

— Лю Сяюнь молча взглянула на неё, потом перевела взгляд на Бай Е и запела чистым высоким голосом:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно.
Днём и ночью часовые...

Песня то росла, то замирала, навевая грусть на слушателей. Лицо Мэй Ша побледнело. Ей самой не пришлось испытать, что такое тюрьма, но песня вызывала в её душе острую боль.

Ля Сяюнь умолкла. Взволнованные слушатели не аплодировали, но в их молчании были одобрение и благодарность. Она это поняла.

— А в тюрьме моей темно...— тихо повторил Бай Е, когда маленькая Лю вернулась на своё место.— Почтим память наших погибших друзей,— сказал он, вставая.

— Теперь,— продолжал Бай Е после минутного молчания,— позвольте мне рассказать вам одну легенду. Я слышал её от моего друга, настоящего поэта. Мы жили тогда при одной частной школе

勝翅騰

в уездном городе на востоке провинции Хэнань. Вы помните, страна наша была охвачена внутренними войнами, враг пользовался этим, и его войска вторгались на нашу землю. Мы жили без жизни, как весенние шелкопряды. Был у нас только один светлый луч — директор школы, честный и справедливый старик, горячий патриот. В те мрачные ночи, когда дул холодный ветер и шли проливные дожди (это были такие длинные ночи, что даже сейчас мне страшно вспоминать о них), добрый старик согревал нас теплом своего сердца. И не только нас, изгнанников своей страны, но и всю шумную ораву школьников. Не знаю, что теперь с нашим стариком. Он остался на захваченной территории и, если жив, наверно, все так же помогает тем, кому приходится трудно.

Бай Е умолк и минуту смотрел на стоявшую перед ним красную свечу. Потом продолжал:

— Кроме директора школы, нас было ещё шестеро: четыре молодых преподавателя, я и мой друг — поэт, только что вышедший из тюрьмы, в последней стадии чахотки. В новогоднюю ночь, вскоре после событий двенадцатого декабря*, мы собрались на проводы поэта в запущенной классной комнате, перестроенной из старой кумирни. Поэт принадлежал к тем людям, которые не могли подолгу сидеть на одном месте. Он уезжал в Сиань. В эту ночь на прощанье он рассказал нам легенду. Мы слушали и видели, как всё сильнее заливалось краской его всегда бледное до синевы лицо. Он сжимал в руке платок и часто подносил его ко рту. Я боязливо спрашивал: „Что, нет этого... красного?“ — Он качал головой и улыбался знакомой грустной улыбкой.

Бай Е неожиданно прервал рассказ и попросил потушить ещё две свечи.

— В темноте мне легче будет передать обаяние этой легенды...

* * *

Давным-давно, когда люди ещё не знали письменности, на азиатских просторах, на живописных и благодатных равнинах, среди зелёных холмов и голубых потоков обитало сильное племя. Равнины эти в древности были на редкость плодородны. В старинной песне говорится: даже камень, посаженный в эту землю, на следующий год расцветает и приносит плоды.

Родоначальники племени, раз поселившись на этих равнинах, уже не покидали их, и племя это размножалось и процветало из поколения в поколение.

Вождём племени был отважный и мудрый старец. Ещё молодым он научил своё племя изготавливать оружие из бронзы, и со своей дружиной покорил соседние варварские племена. После этого наступили долгие годы мирной и безмятежной жизни. Люди этого племени постепенно обленились и утратили былой воинственный дух. Старики жили воспоминаниями о прошлом. Молодёжь росла себялюбивой, ссоры и драки были её любимым развлечением.

Упадок племени наполнял горечью сердце старого вождя. На рассвете, заслышав крик петуха, он выходил из своей палатки, садился на белого, как снег, коня и объезжал обширные владения своего племени. За спиной у него висел большой, красный, как кровь, лук, в руке он держал длинное копьё с бронзовым наконечником. Сначала его громовый голос, раздаваясь в предутренней тиши равнин, приводил людей в содрогание, но потом они привыкли к нему.

Враги, тесным кольцом окружавшие эти вла-

деня, внимательно следили за тем, что там происходило и только ждали случая напасть.

С годами они научились у этого пришедшего в упадок племени искусству выделывать оружие из бронзы. Изю дня в день они тщательно готовились к войне и далеко обогнали своего когда-то могущественного соседа. Они научились изготавливать из железа мечи, копыя и наконечники для стрел. В первой же небольшой стычке они убедились, что одряхлевшее племя неспособно более сопротивляться. И они без опаски стали искать предлога для нападения. Они следовали старой пословице: слабого бьют.

Когда-то старому вождю довольно было издать свой боевой клич, чтобы обратить в бегство бесчисленные полчища врагов. Стоило его белому коню прискакать на поле брани — и враги бежали в суеверном страхе. Но теперь они ничего не боялись.

Было у старого вождя пятеро сыновей, но трое старших давно уже погибли в непрерывных войнах с врагами. Беспольные раздоры, невзгоды и горести надломил вождя. Он стал похож на старого дикого зверя, упрямого и раздражительного, но утратившего былую силу.

Пришла последняя, самая жестокая война. Мощественные племена объединились и напали на это несчастное племя. Война ещё не кончилась, но племя было обречено. У старого вождя остался лишь лук, колчан со стрелами, белый конь и копье. Прорвавшись сквозь кольцо нападавших врагов, верный конь умчал раненного хозяина к далёким пустынным горам.

— Ещё до того, как его племени пришлось взяться за оружие, старый вождь предвидел исход войны. Он призвал двух своих сыновей. С трудом поборов волнение, он сказал им:

— Если враги захватят вас в плен, не забудьте, когда вырастете, отомстить за вашего отца, за трёх ваших старших братьев, за всё наше племя.

И старый вождь умолк.

— Отец, где же нам тогда тебя искать? — спросил старший, девятилетний, сын.

— Глубоко в горах, глубоко в горах, — ответил старый вождь. — Если я не умру, я поселюсь в горах, врагам нелегко будет найти меня. Два раза в год — в праздник дракона *, и на Новый год — я буду подавать вам знак: вывешивать красный фонарь на вершине самого высокого дерева. Когда вы увидите свет красного фонаря, вы найдёте своего отца. Отец будет ждать вас.

Сказав так, он обнял сыновей и поцеловал их. Дети и слуги рыдали.

Старый вождь вскочил на своего белого коня и поскакал к своей дружке.

Три дня и три ночи длилась смертельная битва. Сильные враги, заключив между собою союз, истребили старое, некогда могущественное племя. Юноши погибли смертью героев, старики и женщины были зверски умерщвлены, а оставшиеся в живых взяты в плен. Никто из врагов не опознал сыновей старого вождя, и взятые в плен жители не выдали их. Как и всех остальных пленников, их разъединили. Отныне несчастные дети — младшему было всего лишь семь лет — не виделись друг с другом. Прошли годы, и брат не мог узнать брата. Но они помнили последний наказ отца. Мысль о мщении росла и крепла в них по мере того, как росли и мужали они сами.

Ежегодно в праздник дракона и на Новый год старый вождь выходил вечером из пещеры и вешал красный фонарь на самой высокой сосне. Не давая погаснуть фонарю, он ждал рассвета.

Проходил год за годом. Белый, как снег, боевой конь в тиши и бездельи так состарился, что не мог даже поднять копыто. Спина старого вождя согнулась, как лук, борода стала похожа на серебряную пряжу. Глаза его непрестанно слезились; он был очень стар, и чем больше он старел, тем больше думал о своих детях.

Сыновья вождя, каждый порознь, тайно заручились поддержкой преданных им соплеменников, таких же рабов, как они сами. Часто снился им старый отец, такой же, каким они знали его в детстве, и вместе с тем какой-то иной, снился качающийся во мраке ночи красный фонарь.

Прошло десять лет. Младший брат во главе горстки преданных друзей бежал из лагеря врагов. В дождь и ветер, ночью и днём, едва ступая усталыми ногами, перебирались они с одной горной вершины на другую, переправлялись через глубокие пропасти и ущелья. У них не было ни риса, ни соли. Кони падали от усталости, тощали с каждым днём; в глазах у них выступали мутные слёзы, ноги скользили,— и, случалось, они вместе с седоками падали в пропасть. Но люди ни на минуту не думали об отдыхе. Они рассчитывали в канун Нового года добраться до неприступных диких гор.

В горах они столкнулись с неизвестной им воинственной дружиной. После жаркого сраженья, длившегося целый день, из каждой трёх дружинников младшего брата два были убиты, а уцелевшим едва удалось вырваться из окружения. Юный начальник был ранен отравленной стрелой в ногу. Жестокая рука, нанесящая ему эту рану, была рукой его старшего брата.

Новогодняя ночь, как одинокий старый путник, погружённый в свои заботы и горести, тихо при-

ближалась к дремучему лесу, где приютились остатки разбитой дружины. Раненый начальник лежал на ворохе сухих мягких листьев; соратники окружали его. Старуха-знахарка втирала в раненую ногу мазь, обезвреживающую яд. Бедро начинало гореть. У раненого невольно вырвался тихий возглас:

— Отец! Отец!

Он перевёл взор на небо. Сквозь обнажённые ветви деревьев он заметил блестящую холодным светом звезду, похожую на блуждающий огонёк; так светится тёмной ночью глаз зелёной жабы. Внезапно эта холодная звезда обратилась в свет красного фонаря, колблющийся на фоне тёмного неба. Красный фонарь разгорался всё ярче и ярче, заливая ослепительным заревом весь небосклон. И раненому казалось: в красном сиянии на помощь ему спешит молодой герой — старший брат.

В эту ночь старый вождь, погружённый в свои мысли, вышел из пещеры. Он захватил с собой лук, стрелы, копьё и красный фонарь. Пройдя по узкой тропе, старик остановился у горной поляны и повесил красный фонарь на сухую ветвь самой высокой сосны.

Непроглядно темна новогодняя ночь в глухих горах. Небо чернее закоптелого днища котла, мрачнее гробницы, в которую никогда не проникает луч солнца.

На фоне бескрайнего чёрного неба мерцал свет красного фонаря, алее крови, пурпурнее кораллов, краснее киновари, багрянее заходящего солнца в предгрозовом вечер, пунцовее, чем цветы граната в мас...

Старый вождь стоял, опершись о копьё, и чутко прислушивался к ночной тишине.

— Сыны мои... вернитесь!..— воскликнул он.— Потом стал беспокойно ходить по поляне. Звук его шагов был, как шелест опавших листьев.

Приближалась весна. Земля покрылась зеленью. По мягкой молодой траве пробегал весенний ласковый ветер.

Десятый раз наступал праздник дракона. Старый вождь снова надел через плечо лук и колчан, взял своё копьё с бронзовым остриём, вышел из пещеры и повесил красный фонарь на сухую ветвь самой высокой сосны.

Время, подобно шелкошвичному червю, съедало в сердце старого вождя ростки надежды и ткало бесконечную нить воспоминаний, обволакивая всё его существо плотным коконом тоски. Резкая дробь барабанов внезапно прервала его раздумье. Он вздрогнул и обернулся к входу в ущелье. Во мраке он увидел злоеющие огни факелов. Старый вождь снял с плеча свой красный лук, привычно напряглась его рука, казалось, силы снова вернулись к нему.

Дикие и коварные враги били в барабаны, обтянутые воловьей кожей, и ссторожно карабкались к красному фонарю. Барабанная дробь постепенно приближалась. Факелов становилось всё больше. Они подымались и заполняли ущелье.

„Враги заметили мой красный фонарь и пришли за мной,— в тревоге подумал старик.— Как я неосторожен! Снять фонарь и бежать... Нет! Откуда такая трусливая и подлая мысль!..“

Белый, как снег, боевой конь давно уже ослеп, но, заслышав барабанную дробь, он наострил уши и нетерпеливо заржал. Он бил копытами по каменному дну пещеры и изо всех сил рвал повод.

Над вершинами гор грянул раскат грома. Короткий блеск молнии — и снова на фоне чёрного неба призывно светит красный фонарь.

— Нет, я не сниму фонарь! — сказал себе старый воин. — Буду его защищать! Я ещё жив и жив мой конь. У нас найдутся силы, чтобы сразиться с врагом.

Он услышал, как его верный боевой друг разорвал поводья. Раздался звонкий цокот копыт. Вдруг конь оступился... Мгновенно страшной тишины — и тело коня рухнуло на дно ущелья. Старик в отчаянии разорвал одежду на своей груди и обратил лицо к небу:

— Настал мой последний час. Сыны мои, вернитесь!..

* * *

В ночь под праздник дракона к единственному входу в ущелье, где горевал старый вождь, с разных сторон подошли две дружины. Они столкнулись в ожесточённой схватке. Издали донёсся грохот барабанов. Сердце младшего брата, возглавлявшего одну дружину, пронзило предчувствие: это на его отца напали дикие чужеземные варвары, и если он, сын, будет сражаться с дружиной своего племени, он не придёт во-время к красному фонарю и никогда не увидит своего отца.

— Прекратите сражение! Забудем о взаимной вражде! Идут чужеземцы! — крикнул младший брат, и горы эхом откликнулись на его призыв, заглушив дробь барабанов.

Старший брат, предводитель второй дружины, надменно рассмеялся и, обернувшись к своим дружинникам, сказал:

— Слышите? Теперь скоро мы покончим с этими разбойниками. В атаку! Окружайте их!

Сражение разгоралось. Младший брат со своей небольшой дружиной кружил у подножья горы, пытаясь прорваться к входу в ущелье. Но дружина старшего брата преграждала ему путь. Мысль об опасности, угрожающей отцу, о том, что чужеземный враг погасит и разобьет красный фонарь, разрывала сердце младшего брата.

— Прекратите сраженье!— снова закричал он.— Мы не враги. Наш отряд ищет красный фонарь.

— Мы ищем красный фонарь!— повторили его соратники.

Дружинники второго отряда застыли в изумлении.

— Слышали? Они ищут красный фонарь! Они— наши братья!

— Ложь! Не в первый раз мы с вами сражаемся! Вы чистопробные разбойники,— ответил старший брат младшему.— Слушайте меня, я намерен сперва перебить вас до единого, а потом уже начать войну с чужеземным племенем, бьющим в барабаны из воловьей кожи.

И старший брат подал сигнал возобновить сражение. Рой стрел недружно взмыл в воздух, но бой продолжался. Оба брата были ранены.

Младший, слезая с коня, вскрикнул от острой боли.

— Бедный отец! Напрасно горит твой красный фонарь!

— Слышите? Они — родные братья!— закричали дружинники старшего брата.

— Они — братья!— могучим эхом откликнулись горы.

Старший брат отбросил свой лук и колчан с отравленными стрелами. Только сейчас он услышал, как грозно гремели барабаны чужеземной орды.

От барабанного грохота в горах дрожали

деревья и камни. Старый вождь видел, как людские тени при свете факелов поднимались на гору. Он пытался натянуть тетиву своего лука, но силы оставили его. Стиснув зубы, он с ожесточением натянул тетиву. Раздался треск: старая тетива лопнула. Старик оступился и едва не свалился в пропасть.

Поднялся бешеный ветер с проливным дождём. Буря сотрясала горы и ущелья. Молнии, словно синие драгоценные мечи, рассекали мрак. Грохот барабанов раздирал воздух.

На фоне безкрайнего чёрного неба мерцал свет красного фонаря, алее крови, пурпурнее кораллов, краснее киновари, багрянее заходящего солнца в предгрозовой вечер, пунцовее, чем цветы граната в мае. При блеске молнии старик увидел на земле своё длинное копьё, которым он сразил в былые годы бесчисленное множество врагов; оно сверкнуло белым, ледяным светом.

— Я буду сражаться за то, чтобы горел красный фонарь, за своих детей!— воскликнул старый вождь. В эту минуту у входа в ущелье раздался торжествующий клич. Братья признали друг друга. Дружины прекратили братоубийственное сражение...

Бай Е закончил свой рассказ и опустился на своё место. Все молчали, зачарованные правдивой легендой. Потом раздался голоса:

— А дальше что?

— Что стало с братьями?

— Не знаю, негромко сказал Бай Е,— поэт не успел рассказать нам легенду до конца. Утром он уехал на северо-запад, а потом его видели на фронте.

ПЕРЕПРАВА ФЫНЛИН

У рыбаков северного берега реки Хуанхэ есть могущественный покровитель Шаогун, Великий лоцман. В каждой рыбацкой лодке непременно наклеено изображение Шаогуна с надписями на полосках цветной бумаги.

„Лоцман на коне отдаёт приказ: „К работе, братья!“— Он скликает нас“.

Рыбацкие суда бывают разные и надписи бывают разные. На больших судах они более торжественны:

Лоцман на коне стоит в облаках,
Все братья выполняют его приказ:
На юг 800 ли — до границы Силян,
На север 3000 ли — до реки Милян.

Великий лоцман покровительствует тем, кто почитает его в тяжёлом труде и верен обычаям рыбацкого промысла. Он изображается с двумя скрещенными вёслами: так скрещены два ржавых меча на изображениях первого китайского императора У Вана. Изображение Шаогуна вставляется в раму из ивовых дощечек, к верхней планке прикрепляются маленькие железные колокольчики. Когда с запада, из пустыни, дует

ветер, приносящий тучи мелкого жёлтого песка, колокольчики тихо звенят. От этого звона широкая гладь реки кажется ещё необъятней и печальней. Над верхней планкой рамы, повыше колокольчиков, ставят глиняный кувшин — символ ветра и воды, и две небольшие сухие тыквы * — магические средства восьми бессмертных буддийских путешественников. За изображением Великого лоцмана — обязательно на соломенных цыновках — лежат новые багры, верёвки и другое снаряжение, необходимое лодочнику. Всё это — собственность Великого лоцмана. Но постепенно на эти же цыновки начинают складывать все рабочие снасти: считается, что здесь они под защитой Шаогуна.

Перед бумажным изображением Великого лоцмана, отправляясь в дальнее плавание или после удачного лова, рыбаки совершают небольшие жертвоприношения.

Большие жертвоприношения совершаются на берегах древней реки Хуанхэ, там, где стоят кумирни — два скрещенных весла. По берегам реки, всюду, где раздаётся отрывистое „хай-хао, хай-хао“ рыбаков или протяжное бурлацкое „лай-я, лай-я“, встречаются такие кумирни. Там жгут бумажные лодки, там курятся жертвенные свечи. Слава Великого лоцмана и вера в его могущество разносятся по всему течению Хуанхэ, от горных тибетских истоков до Тихого океана.

Фынлин одна из самых широких переправ на Хуанхэ. Здесь всё жёлтого цвета — небо и земля, вода и ветер. Даже в ясные дни небо не бывает прозрачным. Мельчайшие жёлтые песчинки пеленой закрывают его. Жёлтый песок в воздухе и жёлтый ил в реке — это дыхание пустыни Гоби.

Наносная, по-степному жирная почва берегов напоминает блестящие и неподвижные спины

бульолов, только что вышедших из воды. Угрюмо течёт мутно-жёлтая глубокая река, увлекая с собою старые кости из размытых могил.

Старик-отец, умирая, оставил рыбаку Ма Лаоханю свою дряхлую лодку, и Ма Лаохань плавает на ней уже более пятидесяти лет.

„Плавая по реке, я пропитался солнечными лучами и лунным светом, как старый водяной“, — этими загадочными словами он обычно заканчивал рассказ о своей жизни на реке. Молодёжь любила слушать его. Часто его в шутку спрашивали:

— Скажи-ка, дед, сколько раз ты видел воду Хуанхэ прозрачной?

— Чепуху городишь! — сердился старик. — Спроси лучше угря, он из реки не выходит.

Ма Лаохань был простой человек и нелегко сносил обиду. Он был честен и прост, но и лукав, хитрость служила ему защитой от обид и обмана. Житейские невзгоды, ветры и дожди покрыли глубокими морщинами его приветливое лицо.

Рыбака Ма Лаоханя на переправе Фынлин знали все, но никто ничего не знал о его молодости, точно он всегда был стариком.

На этой реке его дед и отец рыбачили всю свою долгую жизнь. Отец его унаследовал дедовский багор, а он из рук отца получил свою старую лодку. Его судьба была predetermined с детства. Ещё мальчиком он помогал отцу ловить рыбу, вытаскивать её из лодки на берег и продавать в кабачке на переправе.

Сазан из Хуанхэ славится своей жирной спиной. Очищенная от чешуи, она покрыта иссиня-чёрной кожейцей. Десятки блюд готовят из её золотисто-жёлтой мякоти. Из одной рыбы можно приготовить более двенадцати простых блюд.

Здесь не ошибутся и самые обыкновенные повара. Одну часть готовят на пару, с инбирём, другую — с подливкой из сахара и уксуса, третью тушат с молодым бамбуком и диким луком, а из хвоста и головы готовят в глиняном горшке наваристый суп с пахучими травами, перцем и мелко нарезанными водорослями.

С малых лет Ма Лаохань наблюдал, как слуга продёргивал верёвку в жабры купленного сазана и нёс его к посетителям кабачка, как он докладывал им, сколько весит рыба и подробно расспрашивал, какое блюдо из неё приготовить.

Получив за рыбу деньги, отец крепко-накрепко зажимал их в руке. Отец не походил на других рыбаков; он не тратил заработанные деньги на вино, хотя выпивка для рыбака — закон неба и земли. Непьющий рыбак — невиданная редкость. Отец был такой редкостью. Он не прятал деньги, как другие, в шкатулку для гребёнок жены, он оставлял их себе и отправлялся играть в кости. Если ему случалось задолжать, он не отдавал долга. Кредиторы приходили и подымали крик. В доме не было ни рису, ни масла, ни соли — одни голые стены. От кредиторов, как от мух, некуда было скрыться. Когда Ма Лаоханю было тринадцать лет, его мать заперла двери дома и повесилась. Она решила сразу покончить с долгами и нищетой.

Оставшись один, отец продолжал ловить рыбу и весь свой заработок теперь начисто проигрывал. К старости он начал пить. Ма Лаохань никогда не хотел жить так, как отец, но вырос он таким же рыбаком, словно получил свою судьбу по наследству.

О своём детстве Ма Лаохань не любил вспоминать, да и поминать отца недобрым словом большой грех. В притчах говорится, что, когда

вспоминаешь умерших, они начинают тосковать по дому. Тоска для мёртвых бесполезна, а для живых — греховна, так что об отце он не думал. О матери, правда, иногда вспоминал: она шила ему одежду, чинила обувь — и теперь, когда рвались его туфли или штаны, он думал о ней. Но воспоминаниями не будешь сыт, а пойманную рыбу всегда можно продать.

Ничего, кроме рыбы, у Ма Лаоханя в жизни не было. Он различал её даже в мутной воде. На рассвете и под вечер он следил, как она ищет себе корм, подолгу наблюдал, как большие рыбы пожирают мелких, а мелкие хватают прыгающих рачков. Он знал их жизнь... Он мог по звуку плеснувшей рыбы определить её вес, и сколько блюд можно из неё приготовить, и жирный ли у неё хвост. Он знал, куда она плывёт: ближе ко дну — на восток, ближе к поверхности — на запад. На спине рыбы четыре лян¹ золота, на брюхе — четыре лян серебра. Весной у рыбы жир на костях хвоста, а зимой — в плавниках живота. По рыбе он определял, будет ли сегодня дождь, или ясная погода. Бывает, в полночь рыба выпрыгивает из воды и кричит, но это слышал лишь он один. Бывает, что рыбы плачут, и это истинная правда. Они даже знают, кто сейчас на берегу, — умный или дурак, мудрый или святой. Казалось бы, у такого рыбака всегда должна быть удача, но рыбы косяки, как непослушные школьники, убегали от сетей умудрённого опытом ловца. Сети Ма Лаоханя не принесли ему богатства. Состарившись, он понял: в Хуанхэ труднее всего ловить сазанов, и вся ценность этой рыбы в том, что её трудно поймать. Обычно большого сазана можно продать за дол-

¹ Лян — весовая единица серебра, около одной унции.

лар, и всегда, когда Ма Лаохань возвращался с лова без большого сазана, ему казалось, что сегодня он мог бы получить за него хорошую цену. А когда он привозил много рыбы, цены были низкие. Непойманные сазаны сильно снижали его доходы. Он был зол на них. Но сазаны попрежнему шли мелкие, а когда попадался крупный — не удавалось продать его дорого.

Шли годы, и Ма Лаохань состарился до корней волос. По утрам от жестокого ветра у него стыла кровь. Всю свою жизнь он одним и тем же движением закидывал сети в быстрые воды реки. Ему казалось, что если он хоть раз сделает это не так — рыба уйдёт из его сетей.

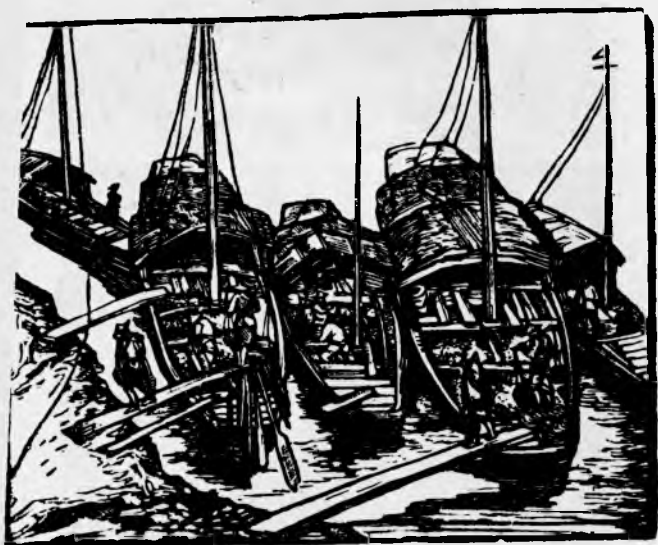
После того как наши войска отступили из Линьфына¹, переправа Фынлин стала важнейшим пунктом в обороне северо-запада. На военной карте все холмы были очерчены красными кружочками и помечены разными номерами. Теперь все интересовались их высотой, тропами, обрывами и прочими подробностями. Жизнь на переправе изменилась. Война принесла свои порядки, и все должны были подчиниться им.

Ма Лаохань попрежнему ел каждый день похлёбку с диким луком, и ничто вокруг не интересовало его. Он был уверен, что проживёт до конца своих дней рыбаком, как его дед и отец. Но неожиданно ему пришлось заняться новым делом — стать перевозчиком на переправе Фынлин.

— Я не повезу, отказался он в первый раз.

— Не повезёшь? Ну, ладно... Сколько же тебе лет? — Человек вытащил папиросу и угостил старика. Эти можешь курить, не кури только длин-

¹ Линьфын — уездный город в провинции Шаньси.

1875

ные с золотыми иероглифами. Туда враги под-
кладывают яд. В Чжаоюане двое уже отра-
вились.

Это был армейский офицер, важный человек
на переправе. Впервые на памяти старика с ним
разговаривали так приветливо и просто и забо-
тились о том, чтобы сохранить ему жизнь. Он
пожалел, что отказался перевезти офицера. С это-
го дня он стал подумывать, не стать ли ему
перевозчиком, и вскоре заявил о своём желании
работать на переправе.

Выгребая на середину реки, Ма Лаохань то-
ропился добраться до другого берега, чтобы по-
скорее вернуться и взять новую партию. Он чув-
ствовал, что стал нужным человеком и радовался,
что, несмотря на свои годы, он вместе со своей
дряхлой лодкой помогает родине в трудное для
неё время.

Когда он был ещё маленьким мальчиком, мать
как-то повела его в храм, и он там увидел ста-
тую злого бога. Ему захотелось пихнуть её но-
гой, но мать сказала: „Нельзя, не то он рассер-
дится и у тебя будет болеть голова“. И верно,
когда он вернулся домой у него заболела го-
лова. Мать, чтобы умилостивить сурового бога,
дала три обета, но это не помогло. Пришла со-
седка и рассказала, что бог — хранитель их города
набирает детей в монахи и придётся отдать
мальчика в монастырь. Мать, боясь разлуки
с сыном, отнесла в храм для жертвоприноше-
ния старую курицу. Это было всё её богатство:
курица каждый день несла по яйцу. Потом мать
пошла с сыном в храм и заставила его отбивать
поклоны перед буддой, а старый монах выстриг
у него три пряди волос и сказал, что посланец
бога, собирающий детей, теперь его не узнает.

С той поры Ма Лаохань ко всему страшному

относился не так беспечно. А по рассказам беженцев, вражеские солдаты были страшнее злого бога.

Старый рыбак не имел никакого представления о том, как теперь воюют. Он считал, что на войне самое главное — гранаты. Солдаты его родной провинции Шаньси были известные гранатомётчики. Ещё во время войны между провинциями Фынтянь и Чжили*, когда манчжурские солдаты наступали на горный перевал Нанькоу, шаньсийцы перехитрили неприятеля. Не открывая стрельбы, они дождались, пока противник взобрался до половины горы, и забросали его гранатами. В то время китайцы воевали с китайцами, а теперь другое дело — война идёт с чужеземцами. Старик представлял силу гранаты, хотя никогда её не видел. Иногда он брал в руки какую-нибудь круглую штуку, похожую на шаньдунскую грушу, и горевал о том, что состарился. Если бы не его годы, он перебросал бы не одну корзину таких шаньдунских груш.

Он был неграмотен и не мог читать газеты, все новости с фронта он узнавал по рассказам своих пассажиров. Налегая на вёсла, он внимательно слушал, как разные люди повторяли одну и ту же весть. На фронте дела обстояли неважно, но его вера в гранаты оставалась непоколебимой.

Враг подходил к большому соседнему городу Чжаочэну. Население встревожилось. Переправа Фынлин работала день и ночь. Ма Лаохань за всю свою долгую жизнь не сидел так много на вёслах.

Ненависть к врагам проснулась в старике задолго до того, как он столкнулся с ними лицом к лицу.

Со стороны древней заставы Тунгуань, из далёкого песчаного моря Шамо¹ подули степные ветры. Ветер приносил тучи мелких песчинок, и всё вокруг покрывалось на добрых четыре вершка, слой за слоем, густой жёлтой пылью. Песчаный ветер дул несколько дней кряду. Песок садился на всё без разбора: на стада овец и коров, на деревья, на путников, на пищу. От него нельзя было скрыться ни в прохладных глинобитных фанзах, ни в богатых каменных домах. Всё, что ещё вчера сверкало и блестело разноцветными красками, стало землисто-жёлтым. Одноцветный ковёр, будто сотканный из молодой верблюжьей шерсти, покрывал небо, землю, воду.

В такие дни, когда жёлтый ветер слепит глаза, тупоносые рыбацьи лодки не могут передвигаться по реке. Тогда и вороны не решаются пролетать над пустынными водами Хуанхэ.

Переправа Фынлин закрылась. У Ма Лаоханя не стало пассажиров, и ему не у кого было узнать, что происходит на фронте. Старик затосковал. Ему казалось, что вода в Хуанхэ теперь гораздо мутнее, чем бывала в прежние песчаные бури.

Несмотря на ветер, Ма Лаохань занялся ремонтом своей лодки. Она была так стара, что могла утонуть и без пробоин. Некоторые доски совсем сгнили, и каждый раз, когда старый рыбак выезжал на реку, ему казалось, будто это не одна лодка, а восемь, и все они разъезжаются в восемь сторон. Ма Лаохань не покладая рук чинил свою лодку. Хотя до наступления Нового года оставалось ещё несколько недель, он решил заодно убрать её к празднику.

На красных полосках нарядной новогодней

¹ Шамо — китайское название пустыни Гоби.

бумаги, приклеенных на носу лодки, блестела чёрная тушь надписей:

„Серебряный зуб в пасти тигра рождает яшмовую волну“.

„Золотой рог на голове дракона испускает сверкающий луч“.

Новые надписи были приклеены и на обе мачты. Одна возвещала: „Второй генерал пролагает путь вперёд“; на другой были слова, которые Ма Лаохань никогда раньше не наклеивал: „Первый генерал любит горным видом“.

По примеру прошлых лет, конечно, надо было написать: „Первый маршал — гроза земли“, но в этом году Ма Лаохань сказал деревенскому каллиграфу Ли Вайгую:

— Ладно, какая уж там гроза в моём возрасте... Пускай я полюбуюсь горным видом.

— Хорошо, хорошо. Я вот уже восемнадцать лет пишу надписи для твоей лодки — столько же, сколько вдовеев наша Ван Сяньцзе. Не будем считать, сколько за это время я написал неправильных иероглифов. Мне никогда не приходилось любоваться горным видом.

Ма Лаохань хотел ответить хитрому Ли Вайгую, знавшему все секреты деревни: „Опусти кисть — и ладно. Говорят, опустишь кисть — и стихи готовы. Я тоже что-то не помню, чтобы мне приходилось любоваться горным видом“. Но он ничего не сказал и только подумал: „Видно само небо отметило этот год. Это будет год мыши. Вот завяжется хвост старой мыши узлом, и из него уже не выкарабкаешься“.

И сейчас, когда Ма Лаохань осматривал свою разукрашенную лодку, ему снова, как тогда у каллиграфа Ли Вайгуя, пришли на ум эти грустные мысли. Он смотрел на почерневшую от воды и времени лодку, точно строгий отец на сына,

скитавшегося многие годы и неожиданно вернувшегося домой, чтобы умереть на руках отца.

Сколько уж раз чинил он свою лодку, менял в ней каждую доску, каждую скобу, каждый гвоздь. Лодка была для него родным существом, частью его самого, как кровь и плоть, переданные ему его предками, а что передано тебе предками — ты должен хранить до конца своих дней. Старик не мог расстаться с этой лодкой, не мог жить без неё, ему оставалось только одно — из года в год чинить её и менять нсвогодние надписи, приносящие мир и благополучие. Кто вырос на Хуанхэ, тот должен иметь свою лодку.

В один из этих ненастных дней, когда дул песчаный ветер, со стороны реки вдруг донеслись какие-то странные звуки. Немного нашлось смельчаков, которые в песчаную бурю вышли посмотреть, что случилось. Что-то тёмное, словно большой баклан, быстро несло по реке. С южного берега раздались грозные окрики винтовок.

По реке сновали вражеские суда. Никогда ещё покой Хуанхэ не нарушался так дерзко быстроходными катерами, по ней плавали только бесшумные рыбацкие лодки. Японские катера резали воду, и брызги за кормой чужих судов, как слёзы сверкали на лице оскорблённой реки.

На северном берегу затопали тяжёлые кожаные сапоги японских солдат. Через несколько дней появилась их кавалерия, обозы, пушки. Пологий берег переправы сразу же был изрыт окопами и пулёмётными гнёздами. Куда-то на север протянулись телефонные провода. На высоком южном берегу высились укрепления китайской армии. На реке теперь не было видно ни одной лодки.

Однажды утром японские солдаты схватили Ма Лаоханя и приказали ему отвести их к ста-

росте. Им нужен был провиант. Поглядывая на японцев, старик раздумывал: „Проклятые, вот напасть, ещё вести их куда-то“. Вслух он сказал:

— До старости дожил, а никогда ещё не имел дела с чиновниками... Куда я пойду искать его?

— Это же староста, а не чиновник.

— Раз староста, значит чиновник, а чиновник — значит, начальник. Как я пойду к нему? Мне уже за пятьдесят давно перевалило.

— Эй, старик! Ты японских солдат любишь? — смеясь, спросил высокий японец. И, не дожидаясь ответа, он стал хвастливо рассказывать другим солдатам, о чём говорил по-китайски со стариком. Они оживлённо залопотали, подымая кверху большой палец. Солдат, говоривший по-китайски, громко хохотал, широко раскрывая рот и обнажая крупные жёлтые зубы. Не смеялся только один японец, сидевший на камне с маленькой трубкой в зубах. Он сказал что-то, видимо, неприятное, так как смех сразу оборвался. Ма Лаохань был уверен, что он предупредил: „Вы не очень-то верьте этому старику“.

Главные силы японцев пришли на переправу Фынлин с севера, по суше. На катерах был переброшен только небольшой отряд пулемётчиков. С первого же дня они стали укрепляться на северном берегу, держались все вместе и как будто даже не собирались переходить на южный берег. Никаких военных действий не происходило. Китайская армия укреплялась к югу от реки и не подпускала японские катера к своему берегу.

Песчаная буря давно уже утихла. Стремительно неслись мутные воды Хуанхэ меж берегов, где притаились незримые орудия, пулемёты, винтовки, готовые по первому сигналу прервать речную

тишину. Трудно стало жить Ма Лаоханю. Переправа не работала. Выехать на лов рыбы он не решался. Ему не с кем было даже перекинуться словом. Жители переправы разбежались, как только пришли японцы. Лодка его стояла на берегу. Запасы лепёшек, соли и дикого лука таяли с каждым днём. Старый рыбак съедал в день по две лепёшки, запивая их кипятком. Чем труднее становилось ему, тем крепче он верил, что придёт день, когда китайская армия перейдёт с южного берега на северный и разгонит японских солдат.

Как-то ночью Ма Лаохань от голода не мог уснуть. Пошарил в ящике у очага, но не нашёл ни одной лепёшки. Набросив на плечи халат, он уселся на носу лодки и бесцельно смотрел на луну. Всю жизнь он прожил бобылём, без родных и без друзей. Единственным его другом была старая лодка. В эту безмолвную лунную ночь он чувствовал себя особенно одиноким.

„Чем ближе к смерти, тем меньше толку от человека, лучше уж пойти спать. Может быть, и уснёшь“, — подумал старый рыбак. Он хотел встать, как вдруг послышались шаги. Старик присмотрелся и увидел две фигуры, освещённые луной. Они приближались к нему. Прежде чем он разглядел, кто это, он заметил, что они пьяны.

— А, это ты, старик? Ну-ка, веди нас к девушкам, — сказал высокий японец. Второй, который не говорил по-китайски, хлопнул Ма Лаоханя по голове и громко засмеялся. Что-то бормоча, он тянул к себе одной рукой товарища, а другой старика.

— Пошли любоваться луной, китайская луна прекрасна, как китаянка! — спотыкаясь и покачиваясь, они пошли по дорожке, освещённой луной.

— Старик, у тебя есть лодка? — вдруг спросил

4 p.

